

Сердце шипов

Автор:

[Мерседес Лэки](#)

Сердце шипов

Мерседес Лэки

Злые сказки Кристины Генри

Мириам – дочь королевы Алетии из Тиренделла, но трона ей не видать. Ее мать стала королевой уже после ее рождения. Но Мириам не расстраивается, она никогда не хотела править королевством. Поэтому, когда рождается Аврора, законная наследница престола, Мириам приходит в восторг. Она обожает малышку, та кажется ей идеальной.

Но спокойствие нарушается, когда на крестины Авроры приходит темный Фейри, чтобы проклясть принцессу. Пытаясь защитить сестру, Мириам узнает, что обладает невероятной силой.

Она становится главной защитницей сестры, но опасность все ближе. Силы Мириам может оказаться недостаточно, чтобы спасти всех, кого она любит, не говоря уже о ней самой...

Мерседес Лэки

Сердце шипов

Mercedes Lackey

BRIARHEART

Copyright © 2021 by Mercedes Lackey

© К. Гусакова, перевод на русский язык, 2022

© Издательство «АСТ», 2023

* * *

Посвящается памяти Хлои Марселлы Меджерст

Спи спокойно, мой маленький боец

Пролог

Я расскажу вам сказку. И я начну ее так, как принято начинать все хорошие истории. Давным-давно...

Давным-давно жил да был красивый, сильный и благородный рыцарь, первый защитник короля, сэра Дженивер. Он женился на прекрасной леди по имени Алития, и у них родилась дочь, которую они обожали, и которая тоже любила их всем сердцем.

(Это, к слову, я.)

Как первый защитник короля, сэра Дженивер мог заполучить все, что только пожелал бы, но он был очень скромным, и потому семья жила в небольшом, но уютном поместье у Веридианского леса. Его сэру Джениверу пожаловал сам король.

И у них было все, что нужно. Им прислуживали восемь человек – ровно столько, чтобы жизнь их была приятна и легка. Была у них и старая гувернантка леди Алитии – та никак не могла смириться с тем, что дочери ее бывшей воспитанницы не суждено стать настоящей леди. Дом находился довольно близко к дворцу, чтобы семью могли вызвать туда в случае необходимости, но и достаточно далеко, чтобы ни леди Алитию, ни их дочь, Мириам, не тревожили политические интриги двора и не соблазняла его роскошь. Сэр Дженивера с двором короля ничего не связывало – он сам отказался от столь высокого статуса. Королевы в том королевстве не было, и потому леди Алитии не приходилось жить там среди других замужних дам в качестве фрейлины ее величества. Так уж устроен королевский двор. Король с приближенными управляет королевством, королева с фрейлинами – дворцом, а наследный принц или принцесса, если таковые имеются, со своими придворными обучаются искусству править. А это значило, что Мириам не приходилось учиться суровой придворной жизни и лавировать среди множества других дочерей фрейлин.

Сэр Дженивер, в отличие от гувернантки, понимал свою дочь. Поэтому он учил ее лазать по деревьям (и не делать этого в выходных нарядах) и скакать на лошади: сперва Мириам садилась с отцом на громадного вороного боевого коня, и тот пускал его в головокружительный галоп. Когда она подросла, то уже следовала за отцом на своем собственном пони. Сэр Дженивер давал ей книги, которые гувернантка ни за что бы не одобрила – они были о битвах и об искусстве фехтования. А еще отец подарил дочери кинжал и научил, как с ним обращаться и защитить себя. С этим подарком она никогда не расставалась.

Все это отнюдь не значит, что Мириам была не в ладах с матерью – та тоже хорошо понимала дочь. И пусть иногда вздыхала, что Мириам не любит красивые вещицы, она гордилась умом дочери, ее готовностью учиться всему, и часто об этом говорила (к великому возмущению гувернантки).

Сэр Дженивер приходился королю лучшим другом. Они были вместе почти каждый день, так как поместье находилось от дворца всего в часе езды, и временами король сам заезжал в гости – тайком. В такие дни он не надевал корону и настаивал, чтобы в поместье не устраивали по поводу его приезда церемоний. Он играл в разные игры и дурачился так, что все хохотали до упаду (кроме гувернантки Белинды – ее поведение его величества откровенно шокировало).

«В твоих руках настоящее сокровище, Джен, и это твоя семья», – говаривал король, уезжая во дворец. – Береги ее».

И все было чудесно, пока не наступил страшный день, когда в Тиренделл пришла война, и первый защитник короля принял командование армией. Домой он так и не вернулся.

Сэр Дженивер отдал жизнь за победу, но леди Алития была безутешна. Король сделал ее придворной принцессой и старался изо всех сил, чтобы ни она, ни ее дочь ни в чем не нуждались.

Оглядываясь назад, думаю, маму и меня охватило такое горе, что мы очень долго не замечали, какой великой заботой окружал нас король. Однако это, разумеется, не ускользнуло от большинства придворных. Люди стали обращать на нас гораздо больше внимания. И те, кто никогда даже не глянул бы в сторону вдовы простого рыцаря (даже если тот был первым защитником самого короля) с приданным в виде клочка земли у мелкого поместья, начали крутиться рядом, пытались сблизиться с нами – и, конечно, с королем.

Признаюсь, я думала, что дело в новом титуле мамы; мне было всего тринадцать, и я понятия не имела, что у придворной принцессы нет никакого особого положения, а титул означал лишь то, что король пожаловал нашей семье дворянство. Какое-то время мама тоже пребывала в неведении, но явно стала чувствовать себя лучше, и мне уже не нужно было утешать ее всякий раз, как что-то напоминало ей об отце. А еще мне больше не нужно было держать все в себе, хотя я никогда не показывала маме или Белинде, как я на самом деле горюю об отце.

Но наш новый титул был необходим и для того, чтобы отныне мы перестали быть лишь дочерью и вдовой простого рыцаря. Потому что ровно год и день спустя после смерти отца, во время празднования нашей победы, король Карлсон сделал моей маме предложение.

На парадном балконе.

Перед вообще всеми.

До ужаса романтично.

Тщательно спланированный шаг, чтобы ни один советник не успел ни возразить, ни предложить более политически выгодный Тиренделлу союз. На самом деле, когда они наконец сообразили, что он задумал, было уже слишком поздно.

Прозвучала длинная речь о том, как он долгие годы любил мою маму, но она выбрала его лучшего друга, и он исполнился решимости не рушить своим эгоизмом их счастье. Однако теперь, когда она свободна, может, она обратит на него внимание? И да, он никогда не сумеет заменить ей Дженивера, но...

Закончить ему не удалось, потому что у мамы на лице отразилось удивление и, наверное, чуточка облегчения и совсем капелька горя, а потом все это сменилось такой лучезарной и счастливой улыбкой, какой я в жизни не видела. И мама упала в объятия короля, и все это было похоже на тот самый счастливый конец обычной сказки.

Вот только это был не конец. А только начало.

Начало МОЕЙ истории.

Глава 1

Я улучила минутку и сбежала с примерки проведать сестру. В окно королевской детской струился солнечный свет, а я смотрела на личико своей младшей сестрички и заново влюблялась. И так каждый раз, когда я ее видела, с момента ее рождения. Крошка Аврора – самая прекрасная, словно розовый бутон, самая идеальная маленькая принцесса на свете.

Разумеется, я, может быть, самую малость предвзята, потому что мы сестры, но с другой стороны, большинство детей кажутся... как бы поприличней выразиться? Созданиями, которых способна любить только мать. Некоторые похожи на сварливых старичков, даже девочки. А другие – на сырые булочки. Или сморщенных гоблинов-подменышей. Большинство детей – пятнистые, краснолицые существа, которые испускают с одного конца громкие звуки, а с другого – разные мерзкие штуки.

Но Аврора оказалась непохожа ни на одного такого младенца. Она смотрела на меня огромными голубыми глазами из-под копны нежных золотистых кудряшек, точь-в-точь как у папеньки. Кожа ее была нежной, цвета лепестка розы, и ее бутончик-ротик от удивления сложился буквой «О». А потом вдруг глазенки расширились, сестренка захохотала и протянула ко мне миниатюрные пухлые ручки, умоляя прижать ее к груди. Она только несколько дней назад начала различать людей. То, что она узнавала в нависающей над колыбелью громадине именно меня, каждый раз согревало мне сердце.

По идее не было ничего, что могло бы испортить мой наряд на крестины, но разве у меня был выбор? Ее высочество приказала, я должна повиноваться. Я сдвинула шелковые занавески, запустила руки в гнездышко из кремового постельного из овечьей шерсти и заключила сестру в объятия. Я уложила ее себе на плечо, покачивая, вдыхая этот сладкий детский аромат, смесь ее собственного запаха и лаванды, которой пахло все ее постельное белье и одежда, а сестренка гукала и хихикала.

– Кто самый красивый в королевстве? – спросила я, глядя в ее прекрасные глазки. – Ты! Да-да-да! Ты самая красивая!

И, конечно, именно тут в детскую ворвались моя гувернантка и нянечка Авроры, Мелали, чем испортили весь момент.

– Леди Мириам! – воскликнула Белинда раздраженным тоном, который вызывал у меня желание выкинуть что-нибудь дикое, например подняться на башню... по внешней ее стороне. – Ваше платье!

И Мелали, ринувшись ко мне, забрала Аврору, сопровождая это подозрительным взглядом и недовольным цоканьем, как если бы я позволила сестре сосать рукоять кинжала или тайком поила ее медовухой. Я просто ее нянчила, что в этом такого?

Белинду, конечно, волновало очень дорогое платье – в чем, полагаю, и заключалась ее работа, ведь она моя гувернантка. Но вряд ли нужно было поднимать такой шум, будто Аврора была вся в грязи? Уж вряд ли сестренка могла сотворить то, чего нельзя исправить. А Мелали вообще не нравилось, когда Аврору трогал кто-то, кроме нее, мамы или папы.

– Мое платье выдержит несколько минут объятий с ребенком, Белинда, – возразила я, пока Мелали укладывала милое дитя обратно в гнездышко.

Платье-то и правда выдержит. Оно, наверное, самое лучше из всех, что у меня когда-либо были, но мама всегда очень практично подходит к заказам на пошив нарядов для нас. К слову, мы собирались надеть одинаковые платья из зеленого саржевого шелка, который не мнется так сильно, как атлас, но прочнее кисеи, и достаточно темный, чтобы не пачкаться от одного взгляда, как многие светлые платья маминых фрейлин. Отделка из широкой золотой тесьмы и гармоничные пояса из того же материала были прочными, как доспехи, явно переживут меня и достанутся по наследству какой-нибудь праправнучке.

А Белинда суежилась так, будто Аврора вот-вот извергнет ядовитый желтый гной, словно одержимая демоном тварь, и уделает меня по уши. В общем, на этот раз было проще позволить гувернантке меня увести из детской. Нет смысла бесить ее перед самым крещением. Я хотела им насладиться, а не как обычно сидеть в верхних покоях, где мама и ее дамы занимались шитьем зимой, когда не могли гулять. И не то чтобы я сейчас вредничала; как только мама вышла замуж за папу, у меня появился целый набор новых уроков и обязанностей, и ни одно не включало в себя шитье часами напролет, как того хотела Белинда. Я должна была изучать языки, танцы, игру на лютне и историю, а еще заниматься делами своих новых земель. У меня нет титулов и родословной, чтобы стать фрейлиной мамы, и я не настолько взрослая, чтобы просто ходить и делать, что мне заблагорассудится: например, одну половину дня проводить на прогулках верхом на пони, а другую – читать в библиотеке и, может, познакомиться с парой девчонок, которые туда регулярно заглядывают. В представлении Белинды о том, как я должна проводить время, не входило ничего полезного.

Портнихи оставили меня без присмотра лишь на мгновение, пока искали три комплекта нарукавников, которые они сшили, чтобы позже решить, какой лучше всего подходит для крестин. Нарукавники ведь идут отдельно, их можно занять сколько угодно, главное, подбирать материал в тон. И тут снова проявилась практичность мамы: со сменой нарукавников (самой изысканной части наряда) и, как вариант, поясов мы получали три совершенно разных платья по цене одного – ну разве что с небольшой доплатой. Мама, может, и стала королевой, но все равно думала о стоимости вещей, как простая дама. Пусть ей больше не надо было выбирать между тем, чтобы потратить деньги на жаркое и на новые наряды, она говорила, что мы должны служить примером того, как не быть расточительными.

Портнихи ждали в моей комнате: на их лицах было написано беспокойство, ведь меня не оказалась там, где они меня оставили. Явно боялись, что я сбежала в лес или сделала с платьем что-нибудь неподобающее.

В переживаниях за мой наряд они, видимо, забыли, что я вовсе не такая легкомысленная, как считала Белинда. Им следовало знать: реши я сгоряча отчудить нечто действительно неподобающее (а не просто потискать ребенка), то сделала бы это уж точно не в шелковом платье. Я бы сперва переоделась в более плотную одежду. Мне было пять или шесть лет, я лепила пироги из грязи в саду и в процессе портила новенькое платье. Никогда не забуду лекцию, которую прочитал мне отец, поймав за этим занятием. Он говорил спокойно, но был очень строг. И сразу после этого случая у меня появилась особая одежда для улицы: в ней я могла делать, что захочу, – например, лазать по деревьям и стенам или учиться чистить лошадиное стойло. Благодаря моей «боевой» одежке маме никогда не приходилось теряться в догадках, как из обрывков одного платья и раскроенного второго, из которого я выросла, сделать третье.

Да и вообще, я больше не сбегаю сгоряча. По крайней мере, не так часто.

Тихонько стоять посреди комнаты, пока две женщины суетились вокруг меня, щебеча между собой, было нетрудно. Правда, я еще никогда не слышала таких высоких голосов. Я не могла понять, они действительно так говорят или лишь притворяются.

Когда папа женился на маме, он подарил мне собственную спальню, которая была такой идеальной, что у меня закралось подозрение: уж не читает ли король мои мысли? На потолке мерцали луна и россыпь звезд, и у меня появилась целая полка с книгами, а книги-то стоят дорого! Каждая – дороже маминого платья на коронации, а ведь единственными людьми, кто считал книгу подходящим для меня подарком, были отец и мама. Те, кто хотел выслужиться перед королем, дарили мне шелковые платки, маленькие украшения и столько сладостей, что потом неделями тошнило.

Под книжной полкой расположился мой личный письменный столик и огромная кровать с балдахином и расшитыми зелеными занавесями из бархата, что зимой защищали от сквозняков. Стены были покрыты изысканными гобеленами с лесными пейзажами и феями – они помогают сохранять тепло в холодную погоду и тоже ужасно дорогие. Так вот, пока швеи перешептывались о вставках, складках и прочем, что имело смысл для них, но не для меня, я могла

разглядывать гобелены и находить детали, которых раньше не замечала.

Комната была небольшой. Пространства хватало лишь на самую необходимую мебель: кровать, платяной шкаф, книжную полку и туалетный столик. Даже спальное место Белинды некуда было приткнуть, а пускать ее к себе, как приходилось делать в детстве, я отказывалась. И знаю, это не очень любезно с моей стороны... но мне никогда не нравилось ночевать с кем-либо в одной комнате. Когда я наконец выросла и заявила, что хочу спать одна, взрослые меня не так поняли. В итоге Белинде досталась большая кровать, а мне неудобная и низенькая, днем ее приходилось задвигать. Зато здесь для Белинды не было места, что меня более чем устраивало. Теперь ей приходилось спать с мамиными фрейлинами, а комната осталась в моем распоряжении.

Моя комната была угловой, с двумя окнами. А еще она не была проходной – и никто не бродил по моим покоям, чтобы попасть в свои. Дворец построили так давно, что в нем отсутствовали коридоры; в те времена люди считали, что должны использовать каждый дюйм с умом, а не тратить его на глупости вроде коридоров. А еще у меня был собственный маленький камин – великая роскошь.

Пока мама не вышла замуж за короля, я ни разу не видела эту комнату, и мне было трудно сказать, для чего она использовалась раньше, пока папа ее не переделал для меня. На стенах под гобеленами подсказок я не обнаружила. Загадка. Мне нравилось думать, что комнату обустроили специально для меня – не принцессы, но той, кого явно любили, о ком заботились.

Портнихи наконец остановились на нарукавниках с тугой шнуровкой, чтобы проглядывала шелковая сорочка. У мамы, скорее всего, будут большие, с острыми краями, похожие на крылья ангела; портнихи не хотели, чтобы мы были слишком уж похожими. Наконец они решили, что примерка окончена, и мне позволили переодеться во что-то менее помпезное – сегодня мне предстояло работать на кухне. Когда портнихи умчались с отрезами ткани, я натянула поверх льняной сорочки грубую холщовую юбку, повязала фартук и сунула ноги в деревянные башмаки. А потом пробежала через верхние покои и спустилась по лестнице для слуг на нижний этаж: именно там и творилось все, что поддерживало во дворце жизнь. Первой комнатой от лестницы была прачечная, что мне ужасно нравилось: когда большие наружные двери зимой закрывались, по лестнице поднимался пар, принося с собой ароматы чистого белья, лаванды и розовой воды. Далее располагалась сушильная, за ней – гладильная, а потом – первое помещение, связанное с кухней, судомойня, где мыли все кастрюли,

сковородки и тарелки. Моей целью была следующая – пекарня.

– Ну наконец-то, девочка! – крикнул главный пекарь. – Ты сегодня готовишь манше! Давай, поторапливайся!

На кухне со мной себя вели так же, как со всеми остальными здесь, внизу. Это папа приказал, чтобы я привыкала к тому, как нужно обращаться со слугами. Папа убежден: те, кто правит, должны точно знать, что чувствуют те, кто им служит.

Может показаться странным, что я, дочь королевы, училась работать на кухне. Видите ли, наше королевство очень маленькое. Если встать на вершине горы Снежной на северной границе, видно все земли до самой южной. А если бы на восточной границе тоже была гора, открывался бы вид на западные земли. Сейчас у нас со всеми вокруг мир, но мой отец погиб на войне каких-то пару лет назад, и многие опасаются, что она снова вернется. И пусть на последней сражались только люди, всегда есть шанс, что кто-то (или что-то) волшебный, большой и могущественный сочтет крошечный Тиренделл лакомым кусочком. В этом мире встречается магия всех видов, и даже в нашем Тиренделле есть собственный волшебник. Вот папа и настоял, чтобы я научилась чему-нибудь полезному на случай, если королевство однажды падет и мне придется скрываться у простых людей.

«Мальчик всегда может стать воином, – сказал мне папа и заставил меня посмотреть ему в глаза. Он был очень серьезен. – Хочу быть уверен, что моя дорогая Мириам никогда не останется голодной – или не окажется в плену у врага. Никто и не подумает искать тебя, если ты по уши в муке или занята уборкой денника».

Вот я и решила учиться печь. А главному пекарю – Одо – было велено обращаться со мной, как с любым другим подмастерьем.

Я побежала к своему рабочему месту и оказалась рядом с моим хорошим другом Джайлзом, который сегодня готовил хлебные тарелки. Это когда хлеб разрезают от края до края и на получившиеся половинки кладут еду для слуг, что позволяет сэкономить на мытье посуды. Тот, кто очень уж проголодался, может забрать хлебную тарелку с собой на потом, хотя я никогда такого не замечала – папа следит, чтобы каждый во дворце, вплоть до последнего поваренка, хорошо

питался. Оставшиеся хлебные тарелки тоже не пропадают: каждый вечер приходят монахи, они собирают все, что не съедено и не отложено на следующий день, и раздают нищим.

- Опоздала, - заметил Джайлз, яростно замешивая тесто.

Хлебные тарелки готовят из муки более грубого помола, частично из ячменной или ржаной, или их смеси, и непросеянной пшеничной. А манше, сдобные хлебцы - из просеянной три раза. Мельче и белее только мука для тортов.

Пекарня - прекрасное место, но только не в самую жару. Не знаю, что может быть божественней запаха свежего хлеба. Ну, разве что запах свежих пирожных. И сегодня воздух был полон и того, и другого. По всей пекарне шло множество разговоров; главный пекарь строг, но справедлив, он не кричит на болтунов, пока те работают. А с приближением крестин, разумеется, поболтать было о чем.

Я закатала рукава - не только для удобства, но и потому, что в пекарне было довольно тепло, - и принялась за дело, сперва заглянув под ткань на мисках с подходящим второй раз тестом. Они, конечно же, были уже готовы, большие кремово-белые комки, поэтому я отнесла их пекарям. Затем я достала тесто, которое только поднялось в первый раз, замесила и снова накрыла салфетками. И наконец принялась готовить новую партию.

Я уже умела готовить лепешки, печенья и хлебную тарелку. Теперь мне поручали манше, венец среди хлебов. Далее я научусь печь пироги и торты. Но, наверное, без украшений и причудливых тонкостей для подачи, на такое уйдут годы. Брат Одо владеет в городе пекарней, и, если случится что-нибудь ужасное, я должна буду спасаться бегством: мчаться к потайной двери из дворца и напрямик в эту пекарню. Всего таких дверей пять, и к ним очень трудно пробраться. А еще они построены так, что их нельзя открыть снаружи, и все их охраняет магия волшебника Джеррольда, поэтому пользоваться ими могут лишь несколько человек.

Мы пекли о-очень много булочек; через три дня крестины, и на них приглашены не только все важные персоны нашего королевства, но и масса виднейших гостей из других земель, граничащих с нами. Работа на кухне продолжится и во время крестин, но все, что можно, готовилось заранее. У нас была особая

кладовая с заклинанием, которое не давало ничему внутри испортиться или заплесневеть, и мы намеревались набить ее до отказа.

Джайлз положил тесто в миску и накрыл ее, затем рассыпал муку по доске и принялся заводить новую порцию. Я делала то же самое, но использовала вместо воды молоко, и мое тесто получалось чуть более липким. Но так его легче месить.

– Скоро нарастишь столько мышц, что подашься в оруженосцы, – поддразнила я Джайлза.

Он усмехнулся. Джайлз не был красавцем, но в темно-карих глазах плясали озорные огоньки, губы казались созданными для улыбки, и ему всегда удавалось нас рассмешить.

– И почему ты думаешь, что их у меня и так не хватает?

– В основном потому, что ты тут, на кухне, а не во дворе бочки с песком катаешь, чтобы в них рыцарские кольчуги начистить, – охотно пояснила я.

– Фи. Эта работа куда лучше, – возразил Джайлз, тряхнув головой. – Половина забот оруженосца – прислуживать какому-нибудь высокомерному пустоголовому задире, который расхаживает везде с важным видом только потому, что кто-то стукнул его мечом по плечу. Предпочту честный труд.

– Не все рыцари высокомерные пустоголовые задире, – сказала я и вдруг поперхнулась – перед глазами возник образ отца, осознание, как сильно я по нему скучаю, ударило под дых.

Должно быть, я хлюпнула носом или вроде того, потому что Джайлз перестал месить и сунул мне чистый кусок ткани из кучи отбеленных тряпок, которыми мы накрывали миски с тестом.

– Эй, ну, – Джайлз похлопал меня по спине. – Я не в том смысле, что... то есть прости. Сэр Дженивер был... потрясающим. Никто бы никогда не назвал его высокомерным, или пустоголовым, или... Мири, прости!

– Все хорошо. – Я вытерла глаза, высморкалась и с грустной улыбкой глянула на его обеспокоенное лицо. – Ты не это имел в виду, понимаю.

Я снова задохнулась, и Джайлз, позволив мне уткнуться ему в плечо, поглаживал меня по спине, пока я не взяла себя в руки. Даже Одо не стал кричать. Все-таки я не в первый раз расклеивалась в пекарне, когда что-нибудь напоминало мне об отце. А такого доброго наставника, как Одо, наверное, еще поди сыщи. Когда Лисс, ответственной за чистку овощей, разбил сердце ветреный подмастерье камнетеса, Одо попросил кого-то оставить рядом с ней кучку чистых тряпок, чтобы Лисс, если нужно, могла остановиться и поплакать. А еще он никому не позволял ее дразнить.

Горло перестало сдавливать, я смогла вздохнуть и отстранилась от Джайлза. Он последний раз похлопал меня по плечу, и мы вернулись к работе.

Когда Одо меня отпустил, я уже здорово устала, а мой трудовой день еще только начинался. Я умела читать и писать и потому должна была помогать в подготовке к крещению. А если бы не оно, я просматривала бы отчеты из своего поместья вместе с папиным сенешалем. Среди всего, что дал мне папа, женившись на маме, оказалось и целое поместье, которое должно было приносить мне личный доход. Это прекрасно, однако теперь мне было нужно научиться им распоряжаться, что в свою очередь включало... ну, ужасно много работы. Например, уточнять заказы на работы в моей собственности (пусть я всего лишь их подписывала, важно было следить, что там делается). Если бы я жила там, а не здесь, у меня было бы еще больше дел. Принимать отчеты камергера, садовника и главного конюха и таким образом следить за всем хозяйством. Узнавать, сколько уходит продуктов и как дела с запасами, проверять скот и посевы, а если в поместье что-то не в порядке – предлагать решения. Пока что папа поручил все это доверенному человеку, но если я однажды туда перееду, я должна знать, как делать все это самостоятельно.

Но сейчас важнее всего были крестины. Сегодня я проверяла ответы на приглашения по списку. Я была лишь одной из многих, кому поручили то же задание: на страже праздника была маленькая армия, состоявшая из нескольких маминых фрейлин и нанятых секретарей. Мама и остальные ее дамы приветствовали прибывающих гостей, следили за их размещением и тем, чтобы у них было все необходимое, а также за всеми прочими приготовлениями. Разумеется, не все, кто был приглашен и намеревался приехать, отправляли ответы, но многие все же писали нам письма с согласием. Так или иначе, у нас

была причина рассылать приглашения гостям.

Темные феи.

В каждом королевстве обитают феи, светлые и темные. Говорят, первые кормятся человеческой радостью, а вторые – печалью. Очевидно, что чем больше печали, тем темные счастливей, вот почему они редко убивают людей. Они делают все, чтобы принести нам как можно больше горя. Благо все феи обязаны подчиняться правилам, и одно из главных гласит: им нельзя действовать против людей, если только те не причинили им вред, или не оскорбили, или у человека не наступает особенно уязвимое время – либо определенный возраст, либо обряд посвящения, например женитьба. Как будто почти всю жизнь нас, людей, что-то оберегает, но в такие мгновения защита дает слабину. Большинству бояться нечего, не то чтобы темные феи отслеживали день рождения каждого фермера. Но любой человек с титулом – тот, чьи страдания способны повлиять на жизни десятков или даже тысяч, – должен помнить об этих моментах своей уязвимости. Именно тогда феи могут воспользоваться своим шансом и навредить. Появление на свет, крестины, тринадцатый день рождения, шестнадцатый день рождения и свадьба. И, пусть они редко заходят так далеко, человек может оставаться без защиты весь первый год жизни, а еще на третий и двадцать первый дни рождения. Чем важнее особа, тем больше уязвимых периодов. У волшебника Джеррольда есть теория, что защиту ослабляют ожидания от человека. Сенешали же считали, что дело в простых числах. Они часто вступают в долгие дружеские споры по этому поводу во время королевских застолий, еще и сидящих рядом гостей втягивают по возможности.

Итак, правила. Мы знаем, что давным-давно никаких правил не было, что темные и светлые феи сражались друг с другом почему зря, что темные могли творить с людьми все, что хотели. До тех пор, пока светлые не объединились с людьми и вместе мы не приперли темных к стенке. И какое-то время казалось, что они скорее с удовольствием все уничтожат, чем сдадутся, но в конце концов темные согласились на постоянное перемирие. Это был Договор фей. Он связал нас всех самой могущественной магией, и в нем изложено множество правил о взаимодействии между светлыми феями, темными феями и людьми. Некоторые совсем просты: темные не могут нападать на людей или светлых, если те не оскорбили или не напали на них первыми. Светлым точно так же нельзя нападать на темных (или их союзников-людей, такие тоже встречаются). А еще светлый, если сам не подвергся атаке, не может помогать человеку против темного напрямую, лишь косвенно.

Это основные правила, которые на нас влияют. Есть и другие, потому что светлые феи не хотели оставлять темным никаких лазеек (хотя они все равно их находят), но люди не знают большинства правил и от них не особо зависят. Нарушишь правила – лишишься магии. До последней капли. А значит, если правила нарушит фея или фей, его или ее дом обратится в пыль, и все проклятия и чары будут сняты – то есть появится длинный список людей и других фей, которые сочтут нужным за них поквитаться. Вот такая у Договора фей сила.

Само собой, темная фея ужасно оскорбится, если созвать на празднование всех важных людей королевства и не пригласить ее. Или его, хотя в плане затаенных обид среди темных фей хуже все-таки женщины. Они склонны нападать на отдельных людей, а темные феи-мужчины обычно вступают в союзы с самыми ужасными людьми, устраивают тиранию и войны. Никто не знает, почему так происходит, но волшебник Джеррольд однажды сказал мне, что мужчины не любят охотиться в одиночку.

Но, разумеется, они феи, а потому на следующий день могут передумать и сделать все с точностью до наоборот. Или все сразу – поддержать тирана и, став при нем личным наемным убийцей, одного за другим уничтожать его врагов.

Так что, прежде чем устроить большой праздник или мероприятие, сперва нужно прочесать королевство в поисках всех темных фей и обязательно их пригласить. А поскольку темные феи не способны удержаться и не заявить о себе возведением окутанных молниями башен и мрачных замков, обнаружить их не так уж сложно.

Правда, темных фей все равно можно оскорбить, если пригласить только их. Лучше сразу указывать «фею Синистрессу и гостя (или гостей)». А это почти всегда гарантировало, что они не явятся, потому что помимо охоты на людей темные феи обычно грызлись между собой. Лучше не жить с ними рядом: они склонны насылать друг на друга бури, тучи насекомых и ядовитые миазмы – или устраивать магические дуэли, так что определенно лучше держаться от них подальше.

Иногда темные феи все-таки являлись: отчасти потому, что каждый темный был очень занят поиском любой прорехи в броне соперника, и отчасти потому, что все правила соблюдались. И они не могли никому навредить, пока кто-нибудь не сделает что-то оскорбительное, то, что они сочтут вызовом. Но скорее всего они будут слишком поглощены мрачным зырканием друг на друга, заключением

кратких союзов и поисками нового заклятого врага. Обращать внимание на людей вокруг им попросту будет некогда.

Напряженное, конечно, получится мероприятие... но уж лучше так, чем каждая темная фея в королевстве оскорбится. Что произойдет в любом случае, и даже если ты надеешься избежать возмездия, просто все отменив, они обидятся и на это.

Я сбегала в свою комнату и переоделась в третий раз, обратно в повседневное платье, прелестное и мягкое, цвета древесной коры. И еще немного посидела, пока Белинда разбирала мои косы – для работы в пекарне я оборачивала их вокруг головы и плотно закрепляла. Также она украсила их вышитыми лентами и обернула тканью в цвет платья. Потом, прежде чем отправиться в библиотеку, куда передавали ответы на приглашения, я нырнула в детскую, чмокнула сестренку под неодобрительным взглядом Мелали и умчалась.

Библиотека, где велась практически вся бумажная работа королевства, была самым светлым помещением дворца, с окнами от пола до потолка и дополнительными лампами на случай пасмурной погоды. Я получила толстую пачку конвертов и присоединилась к фрейлинам, писарям, секретарям и парочке новых для меня лиц за большим столом. И нас все равно не хватало: любого, кто освободится и годен для такой работы, тотчас отправили бы к нам.

Перебирать ответы довольно скучно, если только письмо не прислали феи. Водилась за ними привычка приукрашивать послания. Из конверта от светлой выпархивали щебечущие иллюзорные птицы, или вырастали, а потом истаивали виноградные лозы, увитые цветами, или взлетал к самому потолку миниатюрный фейерверк. И, как можно догадаться, для писем от темных фей нужен тот, кого не так просто напугать: оттуда выскочат и побегут по твоим рукам пауки, или на стол хлынет кровь, или вскроешь печать, а она разразится душераздирающими воплями на несколько минут. Видимо, когда мы вскрывали такие конверты, авторы этих писем получали капельку силы, но все-таки я сомневалась, что она компенсирует затраты на подобный ответ.

А может, я просто мыслила слишком логично.

Подобные запугивания не причиняли нам вреда, потому что их действие распространялось лишь на наши эмоции и чувства, к тому же оно было

временным. Темные феи – мастера обходить правила, проходя по тончайшей грани, и все-таки их не нарушать. Они скрывались в своих жутких домах, или одиноких болотных башнях, или окутанных туманом замках, или таинственных поместьях под покровом вечной ночи, и, полагаю, питались страхом тех, кто жил поблизости. А когда про темных забывали, они эффектно заявлялись в деревню, бросали жителям расплывчатые угрозы и напоминали всем о своем присутствии. Подытожим: если ты крестьянин и не можешь позволить себе перебраться в другие края, а рядом обитает темная фея... большую часть времени ты будешь жить в ужасе. Темная фея же будет сыта.

О, на такие большие события, как королевские крестины, наверняка придут все темные феи – так они напомнят всему королевству, что мы никогда не бываем в полной безопасности. Никогда не знаешь, вдруг они обнаружили очередную лазейку в правилах. В последний раз, когда такое случилось, дудочник собирался заманить жителей целой деревни – и взрослых, и детей – в болото. Но героическая пастушка заметила, что это все подстроил темный фей – притом дудочнику он заплатил фальшивыми монетами.

И, конечно, темные феи обожают нам об этом напоминать – и таким образом омрачать даже самые счастливые деньки.

Мы усердно трудились: подчеркивали соответствующее имя в списке приглашенных, потом рисовали галочку справа, если гость явится, или слева, если нет. Двое секретарей просматривали уже открытые ответы, перепроверяя, правильно ли стоит отметка. Затем несколько фрейлин составляли новые списки тех, кто приедет, и тех, кто ответил отказом, – их раздавали умеющим читать герольдам для еще одной проверки у ворот замка, у парадного входа и у дверей зала. Осторожность не бывает излишней, когда дело касается фей. Так что мы закончили с последними ответами уже перед ужином, и я была этому рада. Напоминание об отце омрачило мой день, и даже Аврора оказалась не в силах помочь. А уже дважды залившая мне руки иллюзорная кровь делала все только хуже.

До ужина оставался примерно час – ровно столько у меня было времени, чтобы попытаться избавиться от меланхолии. До переезда во дворец я убегала в лес у нашего поместья. В те редкие мгновения, когда я была несчастна, меня успокаивали его тишина и возможность уединиться.

Теперь я не могла добраться до леса, но обнаружила кое-что похожее: лесистый сад, кусочек самой настоящей дикой земли, существующий сам по себе. По словам маминых фрейлин, в официальном саду дворца такого беспорядка быть не должно. Так что я подозреваю, что кто-то в прошлом, король или королева, разделял мою любовь к дикой местности. Садовникам было запрещено ухаживать за этим садом, и посреди него росло дерево, такое старое, какого я еще в жизни не видела. Пока остальные спешили заняться перед ужином личными делами, я спустилась к дверям в сад и, поскольку там не оказалось людей, отбросила всякую гордость и побежала. Вскоре я уже пробиралась сквозь путаницу лиан и кустарников по узенькой тропке к древнему лесному гиганту.

Оттуда я больше не видела и не слышала звуков дворца и болтовни населяющих его людей. Я могла побыть одна. Я села на торчащий из земли огромный корень, прислонилась к стволу. А потом вытащила из рукава носовой платок и дала волю чувствам.

Я старалась никогда не плакать там, где меня могли увидеть мама и папа. Лить слезы – несправедливо по отношению к ним. Папа дал мне титул баронессы, подарил наше старое поместье и еще одно загородное и достаточно земли, чтобы у меня появился собственный доход – хотя вообще-то он и так обеспечивал меня всем, чего я только могла пожелать. Цинично так думать, но все эти подарки превратили меня в завидную невесту. Хотя на самом деле папа вряд ли все именно так и задумывал.

Было бы ужасно неблагодарно с моей стороны ходить с грустной миной, словно я не одобряла его женитьбу на маме. Поэтому всякий раз, как тоска по отцу становилась невыносима, я отправлялась в единственное место, куда почти никто никогда не ходил, а значит, и папе не докладывал. Ужасно не хотелось, чтобы он решил, будто я его до сих пор не полюбила, раз так плачу по отцу.

Так что я позволяла слезам пролиться или тут, или с Джайлзом.

Я так глубоко ушла в себя, что не услышала, как ко мне подошел папа; я вообще ничего не замечала, пока он не сел рядом, не взял меня за плечи, не повернул так, чтобы я уткнулась ему в грудь, а не в дерево. Тогда уже, разумеется, было слишком поздно притворяться, что я вовсе не тону тут в слезах.

Сперва он ничего не говорил, просто давал мне вволю наплакаться. Затем отобрал у меня вымокший платок и вручил свой собственный.

– Мне тоже его не хватает, Мири, – произнес король, обнимая меня за плечи одной рукой, а другой поглаживая по волосам. – Каждый день. Он был моим лучшим другом. Ты знала, мы вместе служили оруженосцами? У сэра Делакара, самого тучного рыцаря королевства. Все, что мы у него делали, – это подай да принеси, особенно за обедом. А в свободное время Дженивер тренировался. Он, наверное, трудился даже больше, чем два других оруженосца вместе взятых. Он был полон решимости доказать, что заслуживает быть там, что вырастет таким же хорошим рыцарем, как и любой другой. Он часто мне говорил, что, когда я стану королем, он будет моим первым защитником. А я над ним смеялся, потому что королем должен был стать мой брат Эйтан, да и кто вообще сделает безземельного мальчишку, мать которого выклянчила для него место среди оруженосцев, хотя бы рыцарем, куда там первым защитником самого короля. Но Делакар взял и посвятил его в рыцари, а Эйтан погиб на войне, и я стал королем, и...

Он вздохнул и обнял меня.

– И теперь всякий раз, когда я смотрю на тебя, мне кажется, что я вижу его, моего друга, такого же оруженосца. У тебя его темные волосы, зеленые глаза, манера выпячивать подбородок, если ты упрямишься.

Никто никогда не говорил мне этого. Может, потому что во дворце было не так много людей, знавших отца мальчишкой.

– Я... правда?

– Однозначно, – твердо кивнул папа. – Он превратился в стойкого воина, которого все помнят, в шестнадцать. Даже твоя мать не знает, каким он был в детстве, они познакомились, лишь когда ему стукнуло семнадцать. Но я смотрю на тебя – и вот же он. Я вижу в тебе и другие его качества, Мири. Его храбрость, ум, честность. И это наполняет меня гордостью и одновременно разбивает мне сердце.

Слезы перестали течь ручьями, щеки запылали. Слышать похвалу не за что-то типичное для девчонок – послушание, исполнительность или красоту – было

непривычно. Я промокнула глаза.

– Я не хотела огорчать маму или тебя, папа.

– И поэтому ты пришла сюда одна. Тут ты прячешься, когда тебе нужно поплакать, я понимаю. – Он продолжал гладить меня по волосам. – Я заметил, что тебя нет в комнате, как обычно, когда ты читаешь или занимаешься перед ужином. Я хотел сказать, что ты не одинока в тоске по нему, и пошел тебя искать. Дженивер всегда приходил сюда, когда был расстроен, злился или грустил.

Мне открывалась совершенно новая, неведомая прежде сторона отца, и я жаждала услышать еще.

Папа взял меня за подбородок, заставил приподнять лицо, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Я знаю, тебе сейчас очень тяжело, но ты отлично справляешься. Не дуешься, потому что я не смог сделать тебя принцессой, не ревнуешь к малышке-сестре, не возражаешь, что я занял место Дженивера рядом с твоей матерью. Поэтому сейчас я кое-что тебе пообещаю. Когда пройдут крестины, мы с тобой будем проводить больше времени вместе, и я расскажу тебе, каким был Дженивер в твоем возрасте. Все, что знаю и помню. И еще: чему бы ты ни хотела научиться, я найду тебе учителей. Я хочу, чтобы ты расцвела. Будь как Дженивер, Мириам. Будь той, кем пожелаешь, даже если для этого придется выбираться из странных ситуаций или попробовать то, что тебя пугает.

Наверное, последние слова должны были меня напугать. Но... не напугали. От них стало легче на сердце, и я воспряла духом. А еще слова папы меня взволновали.

Он расскажет мне все о моем отце. И поддержит меня в любом начинании. Большинство девчонок никогда не слышат такого от кровного родителя, не то что от отчима.

– Полегчало? – спросил он, и я кивнула. – Вот и хорошо. Пройдем у фонтана, умоешься, и никто не узнает, что ты плакала. А потом позовем твою маму и все вместе отправимся на ужин, чтобы все увидели: неважно, какой у тебя титул, ты

все равно моя дочь.

Глава 2

Присутствие светлых фей в королевстве означало: когда бы вы ни планировали большое событие, можно рассчитывать на идеальную погоду. По правде говоря, даже темные феи не допустили бы дождя там, куда их пригласили, – да, они любили устрашающе появиться с громом и молниями, но, как и простые люди, не желали промокнуть под ливнем. Казалось бы, можно наслать непогоду и не прийти, но ведь там будут все соперники, а если на них хлынет дождь, они начнут распускать сплетни или устраивать распри.

Борьба между феями куда страшнее, чем между людьми, потому что феи живут очень долго и способны затаить злобу на века. У папы даже был отдельный секретарь с двумя помощниками, которые отслеживали все сплетни о феях и то, кто с кем враждует. Ну, по крайней мере то, что удавалось узнать.

Простолюдинам такие вещи не нужны. А вот если кто-то рангом выше рыцаря не знает о неприязни между темными феями, с которыми может столкнуться, он рискует их оскорбить и тем самым позволить им устроить любую пакость. И, конечно, они нашьют на него или его ближайших родственников что-то страшное.

В общем, отличная погода не только на сами крестины, но еще на несколько дней до и после была нам гарантирована. Значит, мы могли пригласить гораздо больше народу, чем вмещал дворец, – и разбить для них лагерь на огромном лугу перед главными воротами, не опасаясь, что их пребывание омрачит ужасная погода.

Я уже видела из окна своей комнаты причудливые шатры. А вчера прогулялась между ними, и, поверьте, они просто роскошны. Ковры под ногами, хитроумная складная мебель, повсюду подушки, толпы слуг – все, что только можно пожелать. Честно говоря, гостям здесь было куда просторнее и, наверное, комфортнее, чем тем, кому выпала честь ютиться в крошечных покоях дворца. С высоты пятого этажа все это казалось грибным полем – сплошные шляпки шатров.

– Моя госпожа, – процедила Белинда ледяным тоном, который означал, что она уже по-настоящему мной недовольна. – Вы не одеты. Вы не фея, вы не можете разгуливать в одной кисее.

– На мне все, кроме верхнего платья, и я жду служанок, – честно ответила я и с сожалением отошла от окна. Белинде не нравилось, что я высовываюсь из него в сорочке. Не то чтобы кто-нибудь мог меня увидеть; окно узкое, никто даже не поймет, мальчик я или девочка.

Белинда была не в духе. И держала то самое верхнее платье в руках. Иногда ей можно было перечить, но явно не сейчас. Я покорно подняла руки, и Белинда нетерпеливыми рывками натянула на меня платье, туго затянула шнуровку на спине и взялась за нарукавники.

И тут мне повезло: наконец явились служанки, выдернули нарукавники из рук Белинды и сами взялись за дело. Я давным-давно научилась набирать полные легкие и задерживать дыхание, когда Белинда брала на себя труд помогать мне одеться, чтобы ей не удалось зашнуровать меня так туго, как ей хотелось. Иначе я вообще бы дышать не смогла, наверное. И нарукавники она бы затянула так, что руки толком не согнуть.

Когда сорочку поправили, чтобы она красиво проглядывала на плечах и локтях, а вокруг моих бедер застегнули золотой пояс, настал черед прически.

Волосы у меня такие прямые и тонкие, что с ними немного можно сделать. Если уложить локонами, те исчезнут, едва я доберусь до парадного зала. Поэтому, несмотря на разочарование Белинды, служанки заплели мне единственную длинную косу с зелеными лентами, а потом повязали вокруг головы золотой венок в тон поясу. Вот и все. Я посмотрела в маленькое зеркало, расположенное так, чтобы отражать как можно больше света из окна, и обрадовалась, что все еще похожа на саму себя.

– А ожерелья? Серьги? Браслеты? – скорбно поинтересовалась Белинда.

– Некогда, – ответила служанка и поспешила меня выпроводить, а потом подмигнула, как только мы оказались за дверью.

Времени было еще полным-полно, но служанка знала, как сильно я не люблю обвешиваться безделушками. Будь на то воля Белинды, мне бы пришлось нацепить два ожерелья, бархатку (скорее удавку), огромные серьги, от которых бы еще пару дней ныли уши, и столько браслетов на каждую руку, что я бы постоянно звенела. Столько увесистых украшений создают впечатление, что я пытаюсь привлечь к себе внимание, хотя на самом деле я предпочитала обратное. Единственное, что я ношу регулярно, – цепочка с простым серебряным медальоном, где хранятся три локона. Золотисто-каштановый – мамин, черный как ночь – отца и золотой локон Авроры, все перевязанные кусочком шелковой нити.

В такие моменты я очень завидовала служанкам, которые меня одевали. Их-то не увидеть в облегающих платьях, затянутых шнуровкой так, что лицо краснеет. Они никогда не носят вещи, которые Белинда называла «приличествующими моменту», что обычно означало «мешающими хоть как-то передвигаться».

Я отчасти понимала, почему Белинда считала их необходимыми. Слугам надлежало работать. А такие, как я, должны выглядеть так, будто нам и пальцем никогда ни для чего не нужно пошевелить, ведь все делается за нас. Но, во-первых, я не такая, я всегда предпочту сделать все сама, а во-вторых, я всегда считала подобные вещи слишком дорогими и чересчур вычурными.

Служанки побежали дальше – вероятно, помогать с платьем очередной гостье, – оставив меня добираться в часовню самой. Обычно я предпочитаю лестницу для слуг, но сегодня там и так слишком много их носится туда-сюда, я только помешаю. Поэтому я продолжила путь по лабиринту сменяющих друг друга комнат к передней части дворца.

В нашем маленьком поместье были коридоры, поэтому, когда я только переехала во дворец, вся эта беготня по личному пространству других людей казалась мне неправильной. Да и до сих пор кажется, по правде говоря, но по словам мамы, вежливее всего было притвориться, что ты призрак и ничего не видишь, так и поступала.

Я наконец добралась до главной лестницы. Она была огромной, с галереей вокруг, на четвертом этаже разделялась на два пролета, потом снова соединялась в один, а после второго этажа, который заканчивался аванзалом перед парадным залом, и вовсе расширялась с каждой ступенькой, чтобы любой мог покрасоваться перед гостями и «произвести впечатление», поднимаясь и

спускаясь по ней.

И на этой гигантской лестнице я оказалась не одна. Не успела я спуститься, как меня подхватил поток гостей. И в этот момент я невероятно радовалась, что меня не нагрузили драгоценностями. Большинство меня не узнавали и полагали, что я тоже знатная гостья, поэтому и не создавали заторов, останавливаясь и кланяясь мне, как происходило всякий раз, когда куда-нибудь шли мама и папа. Когда добралась до пролета, ведущего на второй этаж, я прижалась к перилам. Пусть другие красуются на широких ступенях, а я пока рада оставаться незамеченной. Прямо сейчас мама и папа заканчивали свои приготовления и старались совладать с волнением, и лучшее, что я могла сделать, это добраться к ним побыстрее, что мне явно бы не удалось, если бы меня постоянно узнавали и задерживали ради коротенькой подобострастной беседы.

Все вокруг стекались в парадный зал, занимавший почти весь второй этаж. Я тем временем скользнула в сторону и открыла неприметную дверь к еще одной лестнице, которая привела меня на первый этаж – там и творилось все самое важное. Оттуда я прошла через все кабинеты и рабочие помещения, которые сейчас пустовали, к еще одной лестнице – вверх, в кладовую в начале парадного зала. Сюда приносили блюда, когда зал использовался как столовая.

Там уже ждали папа в великолепной униформе цвета индиго и малышка Аврора в водопаде белых шелковых кружев на руках няни. И как раз когда я вошла, с последних ступенек лестницы, ведущей сюда прямо из королевской спальни, спустилась мама. Она выглядела потрясающе: длинные рукава с фестонами и отделкой золотым шелком, корона королевы, более изящная копия той, что носил папа.

Парадный зал использовали тогда, когда во дворец съезжалось множество людей – начиная зваными ужинами и заканчивая важнейшими церемониями. Я подошла к двери и посмотрела в глазок. Зал был полон.

В правой части расположились все светлые феи. Я впервые увидела больше двух одновременно, и меня поразило их разнообразие. Некоторые щеголяли едва ли не обнаженными. Другие носили наряды, подобные нашим, но из гораздо более изысканных тканей. А третьи – настолько замысловатые одежды, что их, казалось, и вовсе невозможно сшить. Например, словно сотканые из листьев, или лепестков, или снега, или воды. Все светлые феи носили длинные волосы, часто уложенные в невозможные прически всех цветов. И на каждой

красовались заколки с драгоценными камнями, и ожерелья, и пояса, и браслеты – особенно на тех, кто был больше всего раздет. Одна пара вообще выглядела так, будто украшения и есть их одежда.

И, разумеется, у всех были крылья. Крошечные, казавшиеся лишь намеком на крылья, и огромные, размашистые, что возвышались над головой на несколько футов, и бархатистые, как у летучей мыши, и прозрачные с блестящими прожилками, как у насекомых, крылья птиц, мотыльков, бабочек. Но что их по-настоящему объединяло, так это то, как старательно они игнорировали тех, кто сидел по другую сторону центрального прохода. Если между светлыми феями царили такие же распри, как у темных, мы, люди, никогда бы о них не узнали. Мы видим лишь малую часть их жизни, привычек, и светлых фей это устраивает.

Оправдывая свое название, темные феи предпочитали такие же потрясающие наряды, но почти все в оттенках темно-синего или черного, хотя некоторые были в белых одеяниях, похожих на паучью паутину или саван. У большинства были волосы цвета воронова крыла; кто-то, впрочем, выделялся на общем фоне белыми, как кость или лед, прядями. И у темных фей тоже были крылья: вороньи, драконьи, или как у бражника – мертвой головы, изодранные крылья летучей мыши, мухи-падальщика. Даже несколько раз встречались костяные крылья. Кто-то держал внушительный посох, кто-то – волшебную палочку, а кто-то пришел с пустыми руками. Все темные феи были настолько бледными, что казались бескровными на фоне светлых, цвет лица которых варьировался от нежно-розового до темно-коричневого, хотя были среди них обладатели голубой и зеленой кожи.

Темные зыркали на светлых с такой яростью, что я готовилась к тому, что те вспыхнут. Но против правил они, конечно, были бессильны. Темные явились сюда, в основном, чтобы продемонстрировать к нам, простым смертным, свое презрение, хотя встречались и те, кто надеялся напугать гостей и вкусить их ужас, что было разрешено.

По лестнице следом за мной поднялся секретарь с ворохом бумаг.

– Все темные феи присутствуют, ваше величество.

Это был один из старших секретарей, которые, вероятно, начинали службу еще при папином отце. Он выглядел очень уж спокойным для того, кто стоял в конце

зала и по крайней мере три раза пересчитывал темных фей по списку, потому что, если мы начнем до прибытия всех – а они, как известно, намеренно опаздывают, – то получим очередную оскорбленную темную фею. И все дело, конечно, было только в них. Если опаздывал светлый, он просто очаровательно отшучивался, но мы не смели ничего делать, пока не придут все темные феи.

Папа кивнул, и секретарь ушел, чтобы подать знак начинать церемонию.

Прямо над нами, в галерее, менестрели заиграли веселую мелодию – сигнал всем, кто еще слонялся по аванзалу, занять места. Затем музыканты грянули величественный марш – выход архиепископа Томаса, которому предстояло провести церемонию. Она, однако, не была религиозной, поскольку и это оскорбило бы темных фей, и архиепископа сопровождали шесть служек без священных символов и кадил с ладаном. Вместо него воздух наполняли ароматы многих тысяч цветов, расстилавшихся по залу ковром. Архиепископ в алом облачении с полосами из золотой вышивки и церемониальном головном уборе выглядел очень величественно. Служки в возрасте от девяти до двенадцати лет, выстроенные по росту, были одеты в тон.

Следом появился хор в белоснежных одеждах, смешанный по возрасту и полу, и расположился вдоль стены в центре зала. Когда марш кончился, настал черед хора, и они затянули древнюю песню, в основном состоящую из таких слов: «Да здравствует король, да здравствует королева, да здравствует принцесса». Традиция традицией, но текст песни не то чтобы блестящий. Снова посмотрев в глазок, я увидела, как темные феи ухмылялись.

«Да как будто вы бы лучше сочинили», – обиженно подумала я.

Темным феям совершенно не давалась музыка, и поэтому, чтобы в их дворах и поместьях звучало что-нибудь приличное, обычно приходилось похищать и заколдовывать музыкантов-людей, которых для этого нужно сперва обманом заставить оскорбить темного. Я поспешила отогнать от себя эти мысли. О темных лучше вообще ничего не думать.

Последние аккорды песни были сигналом для нас. Первым вышел папа, за ним – мама с Авророй, и следом Мелали в белом чепце с вуалью и платье, которое казалось сшитым из по меньшей мере семи сотен метров тонкого янтарного льна. Мелали выглядела так, словно не была до конца уверена, что в маминых

объятиях Аврора в безопасности. Постоянно подергивала руками, будто ужасно хотела выхватить малышку и прижать к себе.

Затем мы встали позади традиционного крестильного сосуда, величественной чаши из резного алебастра высотой человеку по пояс, и повернулись к архиепископу и гостям. Мелали заняла место по левую руку от мамы, а я – по правую руку от папы.

Архиепископ произнес речь о долге родителей по отношению к ребенку и долге ребенка по отношению к родителям. Затем он повернулся к залу.

– Вы собрались здесь засвидетельствовать, что этот младенец – законнорожденная дочь короля Карлсона и королевы Алитии. Что она – прямая наследница королевства Тиренделл. Признаете ли вы ее?

– Признаем! – отозвалась толпа.

Правда, я не могла сказать наверняка, подал ли голос кто-то из темных, но это не имело значения. Они не имели права высказываться в делах сугубо человеческих.

– Крестные матери этого дитя, пожалуйста, подойдите, – попросил архиепископ.

Так вот, мы понятия не имели, кто из приглашенных светлых фей решил стать крестными Авроры; лишь знали, что вызовется по крайней мере одна, но не больше трех. Не представляю – как, думаю, и остальные, – соревнуются ли светлые феи между собой за роль крестной. Как вообще это происходит? Может, их выбирает какое-нибудь собрание? Разумеется, любая светлая фея будет хороша, но некоторые все-таки более могущественны, а значит, они лучшие защитники. И случись что с папой и мамой, эта защита окажется жизненно важна: долгом крестных матерей будет унести Аврору в безопасность, обучить ее мудро править королевством.

На то есть причина. Случалось, что люди, которых назначали защитниками новорожденных королей и королев, затем переходили на темную сторону. В каждом известном мне королевстве был хотя бы один человек, кому власть ударила в голову и кто решил, что из него выйдет лучший правитель, чем из законного наследника. В случае Тиренделла, если бы около трехсот лет назад

одна из крестных матерей принца Лайонела не взяла дело в свои руки и не выкрала мальчика как раз когда убийца под командованием его дяди готовился сбросить его с Северной башни, папы бы здесь не было.

Само собой, мы хотели заполучить самых сильных фей.

Первой выступила высокая, полная достоинства зеленоволосая фея, чей костюм представлял собой нечто среднее между мерцающим серебристым платьем и тонким доспехом. Выглядела она многообещающе. Ее крылья, как у насекомого, были защищены поблескивающим зеленым панцирем, из-за которого казалось, что она несет на спине щит из изумрудной эмали.

– Я Бьянка Крепкий Щит, и я буду этому ребенку крестной матерью, – проговорила фея звонким голосом, что разнесся эхом по залу.

– Милости простим и в добрый час, Бьянка Крепкий Щит, – отозвался папа с поклоном. – Мы перед вами в долгу.

Фея поклонилась в ответ и встала справа от меня.

Затем вперед шагнула вторая, чуть пониже ростом, с белоснежными волосами, в длинных, украшенных драгоценными камнями одеждах. Когда я увидела, что ее стрекозиные крылья увиты серебряными прожилками, которыми феи укрепляли ослабевшие крылья, и на лице проглядывали едва заметные морщинки, я с изумлением поняла: ее волосы не были выкрашены, они поседели от возраста. Значит, она принадлежала к старейшим и мудрейшим светлым феям Тиренделла. Я чуть не взвизгнула от радости, но сдержалась.

– Я Домна Сребродрево, и я буду этому ребенку крестной матерью, – произнесла фея тихо, но ее голос тоже разнесся эхом по залу.

Папа поприветствовал ее так же, как Бьянку, и Домна заняла место рядом с ней.

Третья фея выглядела едва ли старше меня. У нее были алые волосы и птичьи крылья, и наряд, будто сотканный из пламени. А еще – самая заразительная улыбка, которую я когда-либо видела, и я вдруг поняла, что улыбаюсь ей в ответ.

– Я Брианна Огнеястреб, – объявила она и усмехнулась чуть шире, когда все, кроме фей, ахнули. – И я буду этому ребенку крестной матерью.

Все в Тиренделле знают, кто такая Брианна Огнеястреб. Та самая фея, которая три сотни лет назад подхватила принца Лайонела с края башни и отнесла в безопасность. Папа поклонился и поприветствовал ее точь-в-точь как остальных двух, должным образом. Но я знала, что внутри он наверняка почти растаял, как желе. Глаза у мамы уж точно стали как два блюдца.

Архиепископ не обратил на все это никакого внимания. Он протянул к Авроре ладони, и мама вложила ее в его руки. Мелали стиснула зубы, но архиепископ держал Аврору со знанием дела. Он чуть-чуть качнулся на носках, и тут же раздался звонкий довольный смех малышки, заставивший всех, кроме темных фей, улыбнуться.

Архиепископ окунул пальцы в воду купели, приложил их ко лбу Авроры.

– Милое дитя, имя, что для тебя выбрано, – Аврора Хлоя Серафина. Прими его и расти в свете и любви своей семьи, друзей. Я дарю тебе защиту и благословение Церкви и всех ее слуг.

Теперь пришло время подарков от крестных матерей. Не осязаемых, которые виселись горой на столе в задней части зала. Нет, эти дары были куда важнее!

Архиепископ передал Аврору Бьянке. Фея тоже приняла малышку с уверенностью той, кто имел дело с множеством младенцев, уложила на сгиб левой руки, а пальцы правой окунула в сосуд. Затем тронула ими то же место на лбу Авроры, и малышка на мгновение засияла чистым белым светом.

– Аврора Хлоя Серафина, я наделяю тебя даром любви. Ты будешь дарить и получать ее в равной мере, быть любимой и любящей каждый день своей жизни.

Мама улыбнулась, в ее глазах стояли слезы радости. Я прекрасно представляла ее чувства. Это великий дар. Ни один правитель, любящий свой народ, никогда не станет плохо с ним обращаться, и народ, любящий своего правителя, будет его защищать.

Бьянка передала Аврору Домне. Прежде чем окунуть пальцы в воду, древняя фея прошептала что-то малышке, и та заагукала от восторга.

– Аврора Хлоя Серафина, я наделяю тебя даром мудрости. Ты будешь нести мудрость и учиться ей в равной мере, ты будешь услышана и готова слушать каждый день своей жизни.

И снова Аврора на миг озарилась мягким сиянием магии.

Наконец настал черед Брианны, и я затаила дыхание, гадая, что же подарит легендарная фея. Кончики ее пальцев оставили на лбу малышки каплю воды.

– Аврора Хлоя Серафина, я дарую тебе благосклонность судьбы. Если все вокруг погрузится во мрак, тебя всегда найдет Безграничный свет, неожиданно появятся друзья и...

И Брианну прервал оглушительный раскат грома. Темнота окутала зал густой черной пеленой. Люди кричали, светлые феи вызывали источники света – парящие шары, пылающие посохи, – даже вспыхивали сами и взлетали над толпой. Брианна прижала Аврору к себе, Домна из ниоткуда извлекла посох с сияющим драгоценным камнем, а Бьянка вскинула меч и щит из света.

Я машинально уставилась на темных фей, но даже они казались испуганными и сбитыми с толку. Они столпились у стены, готовые к обороне.

А потом снова грянул гром и послышались крики, люди спешно пытались убратся от центрального прохода – и глаза всех темных буквально засветились удовольствием и растущей силой.

И сквозь расступающуюся толпу к нам направилась темная фея со свитой.

Впереди и позади нее скакали уродливые скелетообразные существа в грязных лохмотьях. Создания эти были выше человеческого роста и двигались как-то неправильно, словно у них больше суставов, чем у людей. На обтянутых кожей беззубых черепах горели бледно-зеленым огромные глаза, волос не было совсем. Темная фея, потрясающе красивая, с волосами цвета воронова крыла, в головном уборе из усыпанных драгоценными камнями бараньих рогов, была

одета в платье цвета пролитой крови. Черные камни, оправленные потускневшим серебром, украшали ткань, опоясывали талию.

Кровь у меня в венах разом превратилась в лед. В тот момент я определенно стала самым лакомым кусочком страха для любого темного поблизости.

Пока новоявленная гостья шествовала по залу, я вдруг уловила легкое движение слева. Папа в отчаянии смотрел на секретаря, тот качал головой. Я посмотрела направо. Брианна, Бьянка и Домна ошеломленно глядели на гостью, однако самым странным было то, что все до единой темные феи либо застыли в шоке, либо обменивались друг с другом озадаченными взглядами, на мгновение объединившись в общем недоумении. И тогда я поняла: никто не знает, кто она такая! Ни секретарь, ни светлые феи, ни темные.

А значит, мы ее не пригласили, и она оскорблена. Правила предельно ясны. Она могла сотворить все, что только пожелает, – и Брианна уже назвала свой дар, нечему больше противостоять проклятию, которое найдет незваная гостья. И, судя по ее виду, оно наверняка будет ужасным. Например, затяжным и мучительным, чтобы выжать как можно больше горя не только из нашей семьи, но и всего королевства.

Я оцепенела, ноги будто приросли к месту, от страха и беспомощности накатила тошнота.

– Итак, – начала темная фея, остановившись вместе с чудовищной свитой, что теснилась подле.

Голос гостьи был бархатным, а сама она пугающе красива, ледяное совершенство со сверкающими, будто зловещие изумруды, глазами.

– Я не получила приглашения на сие торжество. Я оскорблена. Даже сокрушена, – она скользнула по всем нам взглядом, очевидно наслаждаясь нашим страхом. – Что же у нас тут? Свадьба? Шестнадцатый день рождения? – Она притворилась, будто только заметила Аврору в объятиях Брианны. Бьянка бессильно сжала рукоять меча. – О, нет, вижу, у нас крестины! Что ж, есть у меня подарок для этого милого дитя...

Папа потянулся за клинком, которого сегодня не было на поясе. Судя по выражению лица, папа даже подумывал броситься на темную фею с голыми руками, но понимал, что не успеет даже приблизиться, ее приспешники разорвут его на куски. Мама так побледнела, что казалась совсем прозрачной, но цеплялась за руку папы, словно пыталась его удержать.

Архиепископ был мрачнее тучи, к нему в ужасе прижимались служки, не давая шелохнуться. Люди в зале сгрудились как можно дальше от темных фей, чем невольно поймали в ловушку рыцарей и королевскую гвардию. Те никак не могли выбраться из толпы, никого не ранив.

На лицах светлых фей отражался чистый ужас и беспомощность. Опасность грозила не им. Они не могли ничего сделать. Мы сами открыли дорогу любому злу, которое желала сотворить эта темная, потому что ее не пригласили. Брианна даже не могла сбежать с Авророй, проклятие все равно настигнет малышку где угодно.

Тем временем незваная гостья расправила плечи и вскинула правую руку. Черный кристалл, венчающий ее посох, затопил зал блеклым зеленым свечением.

– Аврора Хлоя Серафина! – выкрикнула темная фея. – Я дарю тебе...

– Нет! – выкрикнула я. – Оставь ее в покое!!!

И я бросилась между Брианной и темной феей, широко раскинув руки, чтобы принять как можно больше проклятия на себя. По крайней мере, таков был мой план, если его можно так назвать, – что, конечно, глупо, ведь проклятие наложено на имя Авроры, я никак не могла его перехватить.

Но когда страшная магия вырвалась копьем из посоха зеленой вспышкой и ударила в меня... она разбилась вдребезги. На миллион искорок, что упали к моим ногам и с шипением исчезли.

Темная уставилась на меня. Злорадство на ее лице сменилось яростью. Я едва успела перевести дыхание – в глазах феи я увидела, что она сейчас даже не проклянет, а сотрет меня в порошок мощью посоха, – и выбросила руки вперед, как раз когда она напала. Сила ударила мне в ладони и разлетелась брызгами.

Теперь некоторые люди кричали и пытались убежать. Темные и светлые феи напряженно следили друг за другом через проход, подстрекая сделать первый шаг. Одного движения, одной осечки было бы достаточно, чтобы разжечь открытую войну прямо здесь, и темные феи в первую очередь нацелились бы на нас, на людей. Спиной я чувствовала, как моя семья отступает. Теперь Брианна могла унести Аврору, главная опасность миновала. Особые проклятия готовятся долго – день за днем, если точнее. Пока темная фея заложит еще одно, архиепископ уже даст Авроре новое имя, и она скроется вместе с Брианной.

И, кроме того, темная фея сейчас не обращала на Аврору никакого внимания. У нее была другая цель.

Я.

Гостья сощурилась. Я ожидала от нее каких-нибудь слов, но она молчала. Где же наш волшебник, Джеррольд? Тоже зажат в давке позади стоящих плотным строем светлых и темных фей?

Гостья подняла посох. Я вскинула руки, прикрываясь ими, как щитом.

Вспышка блеклого зеленого свечения снова ударила мне в ладони. И... я напряглась, будто в попытке удержать дверь, не дать ей открыться, отражая магию. Я понятия не имела, что делаю и как, но почувствовала, как заскользили по полу ноги. И знала, что не смогу упираться вечно – вернее, дольше нескольких мгновений.

Я больше не боялась, не злилась. Все, что во мне осталось, – это решимость. Я просто отреагировала чисто инстинктивно. Собрала силы в кулак, рьяно упираясь. Глубоко вздохнула, прищурилась от зеленого света и заорала во всю глотку:

– Оставь! Ее! В ПОКОЕ!!!

А потом дала отпор, мысленно и физически.

С грохотом, который отбросил меня назад так, что я растянулась на полу, темная магия отразилась от моих рук и с еще одним «БАМ!» ударила саму

заклинательницу. Та закричала.

Что-то ослепительно вспыхнуло. И когда я снова смогла видеть, темная и все жуткие создания... исчезли. Только трепетали в воздухе несколько крошечных черных лоскутков, а на полу, где она стояла, остался выжженный след.

Первыми среагировали темные феи – и с гримасами страха бросились удирать. Некоторые открывали порталы прямо в зале, другие взлетали и ломались наружу через окна. Третьи бежали к дверям, вызывая еще больше криков у гостей, с которыми сталкивались по пути. Светлые феи, кроме нескольких из первого ряда, кто бросился ко мне, в мгновение ока пустились в погоню. Я проследила за ними; они не собирались никого ловить, но должны были убедиться, что никто из темных не вернется. Они по-прежнему не могли напасть на темных – та, кто все это заварил, оказалась мертва, а если кто-то и подумывал объединиться с незнакомкой, эту мысль явно вышибло им из головы, как только я ударила соперницу ее же оружием.

Парень с фиолетовыми волосами, одетый в основном в платки, сжал мою правую руку, величественный блондин с сине-желтыми птичьими крыльями подхватил меня за левый локоть, и вдвоем они помогли мне подняться на ноги. Я вглядывалась в лица окруживших меня фей, все еще не очень хорошо соображая.

– Что случилось? – ошеломленно спросила я, когда из кладовой вернулась Домна.

Она коснулась плеча птицекрылого фея и мягко отодвинула его в сторону.

– А это, моя дорогая юная смертная, – произнесла Домна, – мы и сами хотели бы узнать!

Тут мои колени подогнулись; фей с фиолетовыми волосами поймал меня и поднял на руки, словно я ничего не весила.

– Наверх, – приказала Домна. – Собираемся в личных покоях короля.

Она оглянулась на остальных фей и кивнула.

– Вижу, весь совет здесь, кроме Брианны и Бьянки, они уже там. Пойдемте. Отнеси юную Мириам, Элсфирд.

Большинство фей вылетели через разбитые окна. У меня слишком кружилась голова, чтобы мыслить ясно, но мне повезло – мой спаситель с фиолетовыми волосами думал за нас обоих. Из кладовой он поднялся вверх по лестнице, явно догадавшись, что остальные ушли именно туда.

Он определил, где все, следуя за гулом голосов в верхних покоях мамы, и внес меня туда на руках.

– О боже мой... Мири! – охнула мама.

Мой спаситель поставил меня на ноги, и мне удалось к ней доковылять. Мама обняла меня одной рукой, держа другой Аврору. Значит, с малышкой все было хорошо.

Сестра подняла на меня глазки и что-то агукнула, и я чуть не заплакала от облегчения.

– Я в порядке, мама, – повторяла я снова и снова, пока она наконец не поверила и не отпустила меня.

Я, пошатываясь, добрела до диванчика и тяжело на него плюхнулась. Рядом села Бьянка, пока остальные всеми силами успокаивали маму и папу.

– Знаю, наверняка голова кругом, – произнесла Бьянка и похлопала меня по руке. – Но сейчас нужно ответить на пару вопросов, пока не померкла память.

– Я попробую, – неуверенно сказала я.

Домна, отделившись от других, тоже присела неподалеку, чтобы послушать. Обычно – особенно с феями! – я бы дважды подумала, что именно говорить, – спасибо за это Белинде. Но сейчас я была так ошеломлена, что просто рассказала все как есть.

Бьянка задавала много вопросов. Делала ли я что-то подобное раньше? (Нет, конечно.) Игралась ли я когда-нибудь с магией, даже совсем чуть-чуть? (Даже в голову не приходило.) Казалось ли мне, что что-нибудь случится, а потом оно действительно происходило? (Нет.) Спрашивал ли у меня что-нибудь о магии папин волшебник? (Никогда!) И всякое о том, что я чувствовала, когда остановила проклятие и обернула силу незваной гостьи против нее самой. Очень конкретные вопросы. Бьянка даже подсказывала слова, когда я колебалась, помогая ухватить суть того, что я делала, и сказать: «Да, да, так». Например, «бастион» – когда она спросила, во что я пыталась превратиться.

Потом Домна спросила, как я себя чувствую.

– Немного тошнит, – призналась я. – И голова до сих пор кружится. Кажется, даже не смогу встать.

Она цокнула языком, покрутила пальцем над левой ладонью, создавая вихрь сверкающих пылинок; из них соткалась крошечная бутылочка сапфирового цвета. Домна взяла ее двумя пальцами и вручила мне.

– Выпей, – приказала она. – Одним глотком, иначе подавишься.

С гримасой я откупорила бутылку, сделала как велено и чуть до потолка не подскочила. Я как будто хлебнула жидкого огня! Но жжение быстро исчезло, и осталось приятное тепло, которое растеклось по телу. Голова перестала кружиться, и я снова почувствовала себя хорошо.

Тут к нам присоединилась и Брианна. Остальные феи все так же переговаривались с мамой и папой; Аврора лежала в колыбели, которую каким-то образом перенесли из детской, а Мелали, стоя над ней мрачным драконом, размахивала подсвечником, словно мечом. Пусть я полностью поддерживала ее в стремлении защитить Аврору, выглядела Мелали несколько безумно. Но, с другой стороны, может, в чем-то она была права: некоторые феи восприимчивы к серебру.

– Что ж, – произнесла третья крестная мать. – Я определенно не ожидала, что мой дар сыграет так скоро. – Она склонила голову набок и взглянула на меня. – И что мы думаем?

Домна фыркнула.

– В ней течет кровь фей, вот что. Сколько и откуда – понятия не имею. Придется изучить ее родословную.

Эти слова, по всей видимости, услышал придворный секретарь. Как и светлые феи, он ухитрился пережить случившееся, сохранив трезвый ум и самообладание. Секретарь бочком приблизился к Домне.

– Наверняка на стороне отца, – заявил он, как будто меня не было рядом. К такому отношению от секретарей и старших придворных я, по правде говоря, привыкла. Мне это не нравилось, но что поделать. Просто так с возрастом ведут себя некоторые люди, словно любой, кто младше, невидим. – Когда его высочество сделал предложение королеве, я проследил ее родословную так далеко, что если в ней и есть кровь фей, то не больше доли от капли.

– Что насчет отца? – спросила Брианна.

Вот теперь старик глянул на меня краем глаза и пожал плечами.

– Не придворное дело. Не она выходила за короля, а ее мать. Единственное, что в ней имеет значение, – баронский двор и рыцарское поместье, и оба подарила ей корона. – Выдав эти жемчужины мудрости, секретарь так же бочком вернулся к другой дискуссии.

Домна снова фыркнула.

– Какой неприятный человек.

– Он избавил нас от множества работы, – заметила Бьянка. – Теперь нужно сосредоточиться лишь на...

Она вскинула бровь, глядя на меня. Я облизнула пересохшие губы.

Мама не обращала на нас никакого внимания, полностью погруженная в беседу папы, архиепископа и растущей толпы других важных людей из папиного тайного совета.

– Если бабушка с дедушкой и живы, отец никогда о них не говорил... да вообще мало рассказывал о прошлом, – запинаясь, пробормотала я. – Не знаю, есть ли где-то сведения о его родителях... о, подождите.

Все три крестные ловили каждое мое слово, и я залилась краской от стыда, ведь на самом деле мне вспомнилась сушная мелочь.

– Однажды один рыцарь рассказал, что отца, когда ему было шесть или семь лет, привела в рыцарский зал прекрасная женщина. Она попросила о встрече с сэром Делакаром. После пары слов он отвел ее и моего отца в отдельную комнату, а когда они вышли, объявил, что мой отец теперь его паж, и если кто вздумает над ним издеваться, Делакар прогонит негодяя по двору три круга и все это время будет лупить мечом в ножнах. Женщина исчезла, а отец поступил на службу к Делакару, и все решили, что это один из его... – Я снова вспыхнула.

– Незаконнорожденный сын, – коротко сказала Бьянка. – Ну, думаю, очевидно, что он им не был.

– Очевидно, что он был или полностью феем, или по крайней мере наполовину, – высказала мнение Домна. – Вопрос в том, почему фея доверила свое драгоценное дитя смертному, да еще и простому рыцарю?

– Может, она не была феей. Что, если она была смертной и родила от любовника-фея? – поинтересовалась Брианна. – В этом больше смысла, верно?

Домна стиснула переносицу пальцами.

– В данный момент единственное, что имеет смысл, – это необходимость обучить это дитя, и как можно скорее.

Остальные крестные кивнули, а я уронила челюсть.

– Подождите... меня? Но...

– Твоя сестра в смертельной опасности, – зловеще произнесла Домна. – Подумай. Могущественная темная фея проникла в королевство и обосновалась столь тайно, что даже местные темные о ней не узнали... а почему? Не для того ли,

чтобы напасть на Аврору в день ее крестин? И зачем же? Она очень умно разыграла все согласно правилам, но что такого важного именно в этом ребенке и этом королевстве?

– Немалый труд, – вступил в беседу фей с фиолетовыми волосами. – И все же ничто не указывает на иные ее намерения. Она не привела ни армии, ни союзников, а значит, не собиралась навредить никому, кроме ребенка...

– Именно! – мрачно подтвердила Домна. – И вы, разумеется, понимаете, что сие означает?

– В Авроре есть нечто необыкновенное, – поспешила ответить Бьянка, – и об этом прознал или темный другого царства, или смертный, король или волшебник, и он нанял нашу могущественную гостью, достаточно умную, дабы устранить Аврору, не нарушая правил. И об этом понятия не имеет никто из фей нашего королевства.

– Нам ее не защитить, – мрачно подытожила Брианна.

– Волшебник поможет, – сказала Домна. – Просто-напросто спрячет дитя, пока мы не придумаем способ ее уберечь.

– О, ну да, в прошлом же это всегда срабатывало идеально, – фыркнула Бьянка. – Вам напомнить, как все было на самом деле? Ей нужен полноценный, могущественный защитник! При всем уважении к Джеррольду, он уже стар, ему не хватит сил отразить нападение, подобное только что увиденному.

«Но у меня есть магия фей...»

– Я связана Договором, правилами и запретами? – спросила я вслух.

– Нет, конечно, дорогая, – рассеянно ответила Домна. – Ты по меньшей мере наполовину человек. Ты вне правил.

Я колебалась. Потому что все это ужасно пугало. Пусть первый раз я одержала верх благодаря лишь силе воли, это вовсе не означало, что я сумею повторить свой подвиг. Я уж точно недостаточно опытна для рыцаря. А именно рыцарь,

волшебный рыцарь и нужен Авроре.

Но потом она хихикнула, и моя паника сменилась решимостью. Никому не позволю причинить вред моей младшей сестренке! Да и мальчишек младше меня все время посвящали в рыцари. Если они отправлялись на войну, то уж наверняка я найду в себе смелость защитить Аврору!

– Отлично, – мой голос дрожал, кулаки были сжаты. – Я согласна. Не знаю как, но я справлюсь.

– Думаете, сможет? – поинтересовалась Бьянка.

– Например, натаскаем ее сами, – заметила Домна. – Она не первая полукровка, которой вдруг понадобилось обучение. Ее все равно пришлось бы тренировать, так почему бы не сосредоточить процесс на защите малышки?

– Ну, нам придется что-то предпринять после случившегося, – Брианна посмотрела куда-то вдаль. – Триста лет утекло с тех пор, как в последний раз правила и Договор нарушали столь вопиющим образом. Не думаю, что у нас есть выбор.

Папа и мама, услышав окончание нашего разговора, повернулись. На их бледных лицах читался ужас.

– Ей всего пятнадцать! – вскрикнула мама.

– Не позволю рисковать ребенком! – взревел папа.

И меня довольно бесцеремонно вытолкнули из обсуждения, потому как вокруг одновременно заговорили, заголосили и заспорили и феи, и люди. Галдеж продолжался так долго, что действие зелья начало сходиться на нет, и у меня снова разболелась голова.

– Хватит! – наконец заорала я.

И, что удивительно, все действительно замолчали, уставившись на меня.

– Послушайте, – произнесла я во внезапно воцарившейся тишине. – Все крестные говорят, что во мне течет кровь фей, но поскольку я не фея, на меня не действуют правила, и я могу сделать что угодно с любым темным, кто сунет в наши дела нос.

Ну, сказали они не совсем это, но в общем и целом, думаю, сойдет.

– Они научат меня, и я смогу защищать Аврору. – Мама приоткрыла губы, готовая возмутиться, но я повернулась к папе. – Крещение окончено. Аврора должна быть в порядке до тринадцатого дня рождения, так? Только тогда она снова станет уязвима. Папа, это целых тринадцать лет на изучение магии. На три года больше, чем у тебя ушло, чтобы пройти путь от пажа до рыцаря!

– Справедливо, – признал он, и на лице мамы отразилась тревога.

Тогда я обратилась к ней.

– Ты всегда повторяешь, как я похожа на отца, – ну, так что бы сделал отец, будь ему пятнадцать? Он бы сказал то же самое! Мама, у меня есть магия фей. Что лучше защитит Аврору? Рыцарь с мечом или рыцарь с магией?

Но ответил мне папа – он больше не хмурился.

– Тот, кто владеет и тем, и другим, – тихо произнес он, глядя так, словно видел не меня, а своего старого друга, товарища-оруженосца, Дженивера. Папа повернулся к Бьянке. – Что-то помешает ей обучаться фехтованию наравне с магией?

Фея улыбнулась и протянула руку. В ее ладони снова заплясал поток сверкающих пылинок, сплетающихся фигурой, смутно, а затем и более явно напоминающей меч, который наконец полностью проявился и исчез с легким хлопком.

– Ничто не помешает, – ответила Бьянка. – Я, как известно, сама часто предпочитала клинок волшебной палочке.

– Ох, я бы тоже выбрала клинок! – горячо заверила я.

Женщины и правда становились рыцарями – нечасто, и при нашем дворе сейчас их не было, но они существовали. Не то чтобы я собиралась совершить неслыханное. И я, если честно, давно хотела попросить папу позволить мне тренироваться с оруженосцами.

И, судя по всему, папа принял решение.

– Так и быть, – твердо кивнул он. – Дадим ей все оружие, каким только владеют смертные и феи, дабы она защитила себя и сестру. По утрам, Мири, ты будешь заниматься с оруженосцами. Днем – с крестными. Таков мой указ, и пусть никто не чинит преград под страхом наказания.

Мама схватила его за руку, но не стала возражать. Секретарь записал все сказанное. Крестные казались довольными, остальные же феи немного сомневались, но не настолько, чтобы начать спорить.

И только архиепископ сохранял невозмутимость. Он опустил ладонь мне на макушку.

– У тебя храбрая душа, доброе сердце и острый ум, Мири. Благословляю.

Тем самым он каким-то образом расставил для меня все по местам. Я по-прежнему боялась, но чувствовала, что приняла верное решение.

Глава 3

Несколько дней спустя меня выдернул из сна звук бесцеремонно раздвинутых штор. В окно хлынул солнечный свет, сразу же ударивший мне в лицо, чтобы я уж наверняка проснулась.

– Подъем, – кисло буркнула Белинда, хмуро глядя на меня сверху вниз. – Через час у вас рыцарская тренировка.

Я вскочила с кровати и быстро натянула одежду, которую Белинда неохотно для меня разложила, обращаясь с каждой вещью так, будто она отравлена: бриджи

из коричневого молескина, чуть пошире тех, что носили мальчишки, свободная льняная рубашка кремового цвета, сродни фермерской, ботинки и широкий пояс. Затем, когда Белинда резким жестом скомандовала сесть, я опустилась на маленький стульчик у туалетного столика, и она собрала мне волосы на макушке в пучок и скрепила шпильками. И все это Белинда тоже проделала отнюдь не с нежностью. Гувернантка всем своим существом выражала неодобрение, но мне было все равно. Как только она закончила, я выскочила из комнаты. Пусть вымещает дурное настроение на чем-нибудь еще.

Я сбегала на кухню, быстро позавтракала теплым хлебом с маслом, молоком и яйцом, а потом со всех ног помчалась на рыцарский двор, наслаждаясь свободой движения, которую дарило мое новое одеяние. Какой, интересно, скандал устроила бы Белинда, реши я носить подобное вместо платьев? А платья бы я надевала только по особым случаям? Ответ я, разумеется, знала. Она бы нависала надо мной при каждом удобном случае неодобрительной грозовой тучей. Жаль, что Аврора еще маленькая и ей нужна нянечка, а то забрала бы Белинду себе в гувернантки. Мы с Белиндой как кошка с собакой. Вечно спорим и никогда не сможем договориться. Но мама ее не выгонит, потому что куда Белинде податься? Она слишком несговорчивая, чтобы прижиться в новом доме.

Во дворе уже собрались пятеро. Джайлз, двое мальчишек его возраста и роста, и младшие фрейлины моего возраста и роста, Сюзанна и Ракель, которых многие звали просто Анна и Эльль. Все они были одеты примерно в то же, что и я.

Я не была знакома с большинством фрейлин, но Анна и Эльль мне нравились. Весь этот год во дворце я жалела, что мы все время спешим в противоположных направлениях. Но им приходилось служить своим матерям; при дворе дама не могла поселить столько же слуг, как в собственном поместье, поэтому обязанности фрейлин ложились на плечи ее дочерей. А если девочек в избытке, старших отдавали дамам, у которых дочерей нет. Так возникали союзы между семьями, девчонки хотя бы мимоходом знакомились с подходящими юношами. А еще это – по идее – должно было держать в узде придворные интриги.

Когда крестные ушли, я придумала хороший, как мне показалось, план. Для тренировок мне нужен был кто-то моего уровня, что предполагало унижительную участь обучаться вместе с маленькими пажами. Но если бы удалось привлечь еще четверых или пятерых ребят примерно моего возраста и опыта – совсем другое дело. Они бы и в будущем пригодились. Мы стали бы особыми хранителями Авроры. Может, я бы даже смогла раздобыть для них оружие и

доспехи, способные противостоять магии.

Папа согласился и сказал, что обо всем позаботится до того, как я начну тренировки. И, как всегда, он сдержал обещание.

И тут из рыцарской башни неторопливо вышел, направляясь к нам, сэра Делакар. Так меня будет учить он?! У меня оборвалось сердце. Делакар – наш самый толстый рыцарь, он мало что делал или требовал от своих оруженосцев, насколько я знала. Даже Белинда больше походила на рыцаря.

Но когда он заговорил, меня так поразила его властность, что я, сама того не ожидая, машинально подчинилась.

– Оруженосцы! – гаркнул он. – В строй!

Мы все мигом подскочили и встали в линию. Сэр Делакар одобрительно кивнул.

– Вы, детеныши, слишком юны и не помните, – произнес он. – Но оруженосцев поручали именно мне, пока я не переложил сей труд на плечи сэра Ларимера. Я обучал твоего отца, юная Мириам, и обучал короля. Король просил меня сделать то же самое и для вас. – Он многозначительно помолчал. – Но я отказался.

Я изумленно на него уставилась – и не только я. Неужели он не повиновался папиным приказам?

– Я намерен учить вас иначе, – продолжил сэра Делакар. – Так, как должен был учить юного Дженивера с самого, черт возьми, начала. – В голосе прорезалась хрипотца, словно сэра Делакар пытался сдержать чувства. – Я совершил ошибку, выучив его как рыцаря. Честь, и устав, и благородство. Красивые сшибки на копьях и фехтование, предназначенные для турниров, не для поля боя. Войны не было десятилетиями, я даже не думал... на этом, в общем-то, и все. Я не думал. Рыцарские манеры – это все для таких, как его величество и я, но не для вас. Совершенно не для вас. Я вышколю вас как бойцов. Лишь хитрые уловки и никаких правил. Ты просила компаньонов, Мириам, и эти пятеро согласились. Я считаю, они умны и схватывают все на лету. Вы обучитесь самым циничным из грязных приемов, потому что таковыми будут пользоваться враги Авроры, они не дадут вам пощады, и вы должны уметь сражаться как загнанные в угол барсуки. Я допустил ошибку, когда тренировал Дженивера. Я ее не повторю.

Его голос на мгновение сорвался, и сэр Делакар быстро заморгал. Затем он расправил плечи и снова стал таким же властным, как когда только вышел из рыцарской башни.

– Король поручил сделать из вас шестерых не просто хороших бойцов, но единое целое, тех, кто умеет сражаться вместе. И вместе вы будете называться Свита Авроры. А теперь – в оружейную. Первым делом нужно облачить вас в тренировочные доспехи.

И мы двинулись ровным строем, следуя за Делакаром, как цыплята за большой жирной курицей. Он отвел нас туда, где хранилось снаряжение, и открыл три сундука. Из них он достал холщовые туники с толстой подкладкой и широкие штаны и сунул в руки каждому, убедившись, что подобрал подходящий размер. Затем Делакар порылся в коробке на полке и вручил нам, девочкам, по длинной холщовой ленте, похожей на бинт.

– А для чего это? – спросила я.

Пока мальчишки натягивали легинсы с защитным подкладом, Эльль принялась плотно обматывать ленту вокруг груди. Я повторила за ней, и Анна тоже. Когда все переоделись, Делакар выдал каждому по выдавшему виду шлему и по боевому шесту, а потом строем отправил в часть двора, не занятую оруженосцами, которые тренировались, или полировали кольчуги хозяев, или занимались прочими поручениями рыцарей.

– Кто-нибудь уже учился владеть боевым шестом? – поинтересовался сэр Делакар с видом человека, который ожидал услышать сплошные «нет».

Джайлз и Эльль подняли руки. Сэр Делакар удивленно моргнул, но быстро взял себя в руки.

– Ладно, Джайлз, встань с Мириам. Ракель – с Робертом, Сюзанна – с Натаниэлем. Ракель, мы с тобой продемонстрируем первое упражнение, которое вы сейчас будете выполнять в парах. Медленно.

Упражнение оказалось довольно простым. Один пытался ударить верхней третьей шеста по голове второго справа, тот отбивал. Затем еще удар, но слева,

и то же самое по коленям. Потом четыре удара выполнял второй, а первый защищался. И опять сначала.

– Не знала, что ты владеешь искусством боя на шестах, – заметила я, принимаясь за упражнение с Джайлзом.

Он ухмыльнулся.

– Ты многого обо мне не знаешь.

Джайлз меня дразнил, но я не попала на удочку. Что и к лучшему, потому как мгновение спустя сэр Делакар принялся стучать своим шестом по земле, задавая ритм, которому мы должны были следовать. И он все ускорялся. Я напрягала всевозможные мышцы, которые вообще не привыкла использовать, и чем быстрее мы делали выпады, тем сильнее мне приходилось концентрироваться, чтобы не пропустить удар. Похоже на уроки танцев, вот только там учитель никогда не лупил меня так сильно своей заостренной палочкой, как Джайлз, если кто-то промахивался.

Когда мы, обливаясь потом, начали ошибаться, а Элли случайно саданула беднягу Роберта по предплечью, сэр Делакар командовал остановиться.

– Попейте воды и обратно, тренироваться на столбиках.

Он указал на ряд столбиков с нанесенными на них облупившейся красной краской мишенями. Мы все по очереди приложились к черпаку с водой, затем поспешили выполнять команду. И снова Делакар подождал, пока мы, по его мнению, не разобрались с новым упражнением, и принялся отстукивать ритм.

Когда сэр Делакар нас наконец отпустил, мою одежду и волосы можно было выжимать, а руки болели так, что я едва могла ими шевелить. Мы оставили тренировочные вещи грудой, которую позже унесут, вывернут и высушат, и разошлись кто куда. А я-то думала, что в пекарне накачала мышцы!

По пути я заглянула на кухню и попросила покушать, кто-то сунул мне в руки что-то съестное и быстро выгнал меня вон. Добычей оказались пара холодных ножек жареного цыпленка, немного теплого хлеба с вареньем и горсть редиса, и

пока я добралась до своей комнаты, я все это доела. Хорошо, что я успела заглянуть на кухню, поскольку Белинда все еще пребывала в дурном настроении, а мой потный видок его ничуть не улучшил.

Она заставила меня раздеться догола и растерла грубой влажной тряпичей – что я могла бы сделать и сама, однако Белинда явно не собиралась упускать шанс тщательно меня отмыть и этим будто бы стереть все мои планы стать защитницей Авроры. Закончив, Белинда махнула рукой на исподнее и платье, которые заранее подготовила. Пока я одевалась, она с выражением крайнего отвращения понесла мои грязные вещи к прачкам.

Но вместо обеда с мамой, папой и остальными придворными в зале я плюхнулась на кровать и раскинула руки. Час или два отдыха сейчас были куда привлекательней еды.

Вернувшись, Белинда смерила меня все тем же хмурым взглядом. Свои представления о том, как правильно и уместно себя вести юной леди, она ставила выше того, насколько уязвима была Аврора. Не знаю, чего она от меня ожидала. Что наряжусь как фея и буду изящно помахивать палочкой?

– Вы сами напросились, – осуждающе заявила гувернантка.

– Да, напросилась, – ответила я. – Оно того стоит. Потом будет лучше.

Я не сказала «легче», ведь прекрасно понимала, что сэр Делакар не собирался упрощать наши тренировки. Но оруженосцы занимались всем этим очень, очень долго, и я решила, что у меня тоже получится. Никогда не слышала, чтобы оруженосец скончался от чрезмерных упражнений.

Белинда фыркнула и удалилась. Но как только я начала понемногу задремывать, появился слуга с большим деревянным подносом, на котором стояла миска супа, тарелка с хлебом и кувшин разбавленного вина. Последнее было очень кстати, даже если представление Белинды о том, как следует питаться после тяжелой тренировки с боевым шестом, было не совсем верным. Я бы, наверное, целый оковалок в одиночку умяла. Суп хотя бы оказался хорошим, густым, а не просто бульоном. Я ела медленно, потому что болели руки, и я знала, что если лягу обратно, то сразу же засну.

Покончив с обедом, я поняла, что настало время встречи с тем или той из фей, кто вызвался или кому приказано меня обучать. Мне удалось, пошатываясь, спуститься обратно вниз, и когда я добралась до подножия лестницы, мышцы стали ныть чуточку меньше и уже не казались такими деревянными. Вчера я получила очень четкие указания: подойти к моему любимому древнему дубу в заросшей части сада. Я не представляла, почему мне нужно именно туда, а не за пределы дворца, но, видимо, феи сами меня куда-то перенесут. Как? Без понятия. Они же феи.

А еще я очень надеялась, что обучать меня будет кто-то из уже знакомых мне фей.

Я прошла через фруктовый сад и грядки с травами, и через сад для прогулок – напрямик к заросшей его части. Не скажу, что я двигалась очень быстро, но и не ползла. И когда я отодвинула занавес виноградной лозы, кто же ждал меня у дуба... Брианна Огнеястреб! Я вздохнула с облегчением. Она ведь на деле доказала свою глубокую связь с королевской семьей Тиренделла. Что уже несомненно говорило в ее пользу, да и у меня сложилось о ней мнение после всех разговоров в маминых покоях. Я доверяла ей и чувствовала, что могу рассчитывать на ее основательность и практичность.

– Ну и ну, – произнесла она, когда я, морщась, переступила большой корень. – Как погляжу, учитель фехтования тебя не пощадил.

– Ни капельки, госпожа Огнеястреб, – кивнула я и сдержала стон. – Это сэръ Делакар.

Брианна постучала пальцем по губам.

– Хм. Кажется, понимаю, почему он столь... строг. Что ж, сейчас начнется твой первый урок магии, – продолжила она, резко меняя тему. – В этом дубе есть древний ход, дверь фей, которой я в прошлом весьма часто пользовалась. Итак, сперва ты должна ее найти.

Меня на мгновение выбила из колеи поразительная новость, что в моем любимом дереве была волшебная дверь. Да еще и Брианна часто через нее ходила. Что же это означало? Неужели меня тянуло к этому дубу, потому что и в нем, и во мне есть магия? Или так просто совпало?

Но Брианна ждала, и я вытряхнула отвлекающие меня вопросы из головы. Для начала я подумала, не ощупать ли огромный ствол в поисках характерных трещин, но что-то подсказывало, что так я ничего не обнаружу. И вот я все пялилась и пялилась, пока глаза не собрались в кучку, но дверь так и не разглядела. Я перестала пытаться и зажмурилась, чтобы подумать.

И тогда что-то как будто прошептало: «Не думай. Чувствуй». Поэтому я позволила разуму погрузиться в пустоту и шагнула вперед, раз, два, пока едва не коснулась коры ладонью. Медленно поводила ей туда-сюда и вдруг почувствовала! Покалывание и тепло. Я проследовала за этим ощущением вниз плавной дугой и снова вверх, пока не вернулась к исходной точке.

Я посмотрела на Брианну – фея с одобрением улыбалась. Она постучала пальцем по дубу, и контур, который я только что очертила, на миг засветился.

– Теперь я научу тебя ее открывать, – произнесла Брианна. – В ближайшем будущем для занятий ты будешь приходить сюда и проходить в эту дверь.

– Но... разве ей не могут воспользоваться другие феи? – встревожилась я, думая о темных.

– Могут, разумеется. Но только светлые, и дверь не приведет их в мой дом. Этот путь открыт только для нас с тобой. Точно так же, как и путь во дворец, – наблюдая, как я пытаюсь осознать услышанное, Брианна улыбнулась шире.

– Но... значит, дверь ведет не в одно место! – воскликнула я, сбитая с толку. – Как это возможно?

– И это лишь капля среди всего, что тебе предстоит изучить, – мягко укорила меня Брианна. – Во-первых, ты должна найти в себе место, где сосредоточена твоя сила. К ней ты обратилась, когда отразила проклятие и темную магию.

Я снова закрыла глаза и вспомнила, как осознала, что на мою младшую сестричку вот-вот обрушится страшное проклятие, способное обречь ее на ужасную участь. Я очень живо вспомнила свои чувства и, даже в самом деле ощутив долю того страха, почувствовала. Как будто змея внутри свернулась, готовая ударить.

– А теперь направь эту силу в руку, подними ее к середине двери и пожелай, чтобы она открылась, – сказала Брианна, когда я уловила это шевеление внутри. – Станет легче, если представишь силу как ладонь, ее толкающую.

Так я и сделала, и какое-то время ничего не происходило. Но затем часть силы будто меня покинула, по краям двери вспыхнула яркая линия, и дверь действительно медленно открылась внутрь!

Она выходила в другой сад – совершенно непохожий на тот, что был позади меня. Такой сад явно могли создать только феи, полный незнакомых мне растений, цветов непонятных форм – один был похож на три пирамиды, сложенные друг на друга, – и ароматов. Там были деревья, искривившиеся так, что превратились в скамьи, как корни моего дуба, и кустарники, которым придали удивительно симметричную форму.

Мне оказалось трудно все это осознать, но Брианна взяла меня за руку и повела внутрь дерева. Я услышала, как закрылась за нами дверь, но слишком увлеченно разглядывала сад, чтобы об этом беспокоиться. Фантастический пейзаж не ограничивался растениями. Везде порхали бабочки, щебетал самый настоящий птичий хор. Прислушавшись повнимательней, я различила еще и лягушек со сверчками.

Посреди всего этого стояло нечто вроде миниатюрного замка. То есть очень причудливый замок, но размером с особняк, где мы жили с мамой и отцом.

С другой стороны, фея ведь наверняка могла сделать собственное жилище таким большим или маленьким, как ей захочется.

– Первое время мы будем заниматься здесь, в саду, – пояснила Брианна, шагая к дереву, превращенному в нечто похожее на довольно удобную скамейку для двоих. – Я бы предпочла не рисковать ничьей собственностью, и моей в том числе, пока ты не обуздаешь свою силу. Как только я удостоверюсь, что ты не станешь крушить стены, мы перейдем в мой дом. Когда ты научишься управлять силой еще лучше и мне больше не нужно будет беспокоиться о несчастных случаях, мы переместимся в лес у твоего дома.

Я кивнула, признавая ее рассуждения справедливыми.

– Но почему здесь, а не там? – спросила я. – Если что-то может случиться, разве лес в Тиленделле не лучше?

– Здесь, в царстве фей, гораздо проще использовать магию.

– Ого. – Я на мгновение об этом задумалась. – Хорошо, с чего мне начать?

– Ты почувствовала внутри себя магию, когда сосредоточилась на опасности, в которой оказалась твоя сестра, и сумела обуздать силу, – заметила Брианна, когда мы уселись на бархатистый зеленовато-черный ствол дерева-скамьи.

Не удержавшись, я провела по нему ладонью. Я еще никогда не трогала такую кору... И тут я осознала: это не кора, а мох, самый густой, самый мягкий, какой я когда-либо видела.

– Э-э, да, – сказала я, запоздало сообразив, что фея ждет от меня ответа.

Брианна вскинула бровь.

– Не позволяй себе отвлекаться, когда имеешь дело с магией, – предупредила она. – Человеческая магия, какую практикуют ваши волшебники, довольно опасна. Магия фей, как правило, гораздо более могущественна и капризна. Ты, вероятно, обладаешь и той, и другой, я пока не уверена.

Я знала, что есть человеческая магия и есть магия фей, и это разные вещи. Но понятия не имела, что можно владеть ими одновременно.

– Да, госпожа, – я покраснела от смущения.

– Теперь, когда ты спокойна, постарайся найти средоточие своей магии, – дала указание Брианна. – Не торопись. Скажи, когда нащупаешь его.

Я закрыла глаза, чтобы отгородиться от отвлекающих красот сада, и сконцентрировалась на ощущении магии внутри себя.

Тогда она была свернувшейся змеей.

Но я попыталась представить что-нибудь мягче, добрее.

Не знаю, откуда пришла мысль, но она прозвучала у меня в голове громко, четко – и правильно. Правильней, чем змея. Я же все-таки не собиралась ни на что нападать, ни от чего защищаться. Поэтому, когда я наконец нашла этот глубокий источник тепла и силы, я подумала о цветке.

Я представила, как внутри меня раскрывается цветок, распускает лепестки, наполняя меня своим ароматом.

Что-то защекотало мне щеку, но это была не моя сила, и я чуть ее не упустила. Успела удержать ощущение в последнюю секунду, прежде чем оно ускользнуло, и открыла глаза.

Меня облепили бабочки. Они прилетели ко мне со всех сторон, цеплялись к платью, к волосам, даже щеку мне пощекотала бабочка, пытаюсь туда приземлиться.

Брианна широко улыбнулась, к моему большому облегчению.

– Отлично, – похвалила она. – Не совсем то, что я от тебя хотела, но достаточно близко. А теперь прогони бабочек, не напугав их.

Что бы их привлекло в саду феи? Ну, они слетелись ко мне, когда я призвала магию. Может, они питаются ею?

Осторожно, стараясь не потревожить бабочек, я перевернула правую руку ладонью вверх. Чтобы открыть дверь, я вытолкнула силу из руки, но сейчас нужно было действовать мягче. Поэтому я выманивала силу, постепенно ее перемещала, пока она не потекла сама собой, и я собрала ее в ладони нежно сияющей золотистой лужицей.

Бабочки немедленно вспорхнули с платья и волос и опустились мне на руку. Пока все шло хорошо. Бабочки теснились, стараясь подобраться поближе к ладони.

Я подняла руку и представила маленький теплый сгусток силы шариком, легким как пушинка, а потом – как ветерок уносит его в сад.

И он улетел! Оторвался от ладони и улетел прочь, и бабочки вспорхнули за ним радостно трепещущим разноцветным облаком.

Я уговорила шарик опуститься на куст чего-то похожего на розы и повернулась к Брианне, чтобы узнать, что она думает.

Она, склонив голову, наблюдала, как бабочки упиваются моей магией.

– Интересно. Не то решение, к которому бы пришла я.

– Неправильно? – Я забеспокоилась.

– Нет, вовсе нет. Просто не так, как поступила бы фея.

Мне стало неловко и немного тревожно.

– А как бы сделала фея? – спросила я, надеясь, что в моем вопросе достаточно ясно прозвучало смирение и стремление учиться. Потому что передо мной была не просто фея, а та самая, которая взяла королевскую семью под крыло, и я совсем не хотела ее разочаровать.

И снова, к моему большому облегчению, она улыбнулась.

– Зависит от феи. Темная бы просто-напросто обратила их в пыль. Кто-то вроде Домны заставил бы их ощутить ее раздражение, и они упорхнули бы сами. Однако никто из фей не стал бы отдавать им частичку магии полакомиться, потому как при любой возможности мы ее стараемся сохранять.

– О... – Я задумалась.

– Для нас магия – пища, как и для тех бабочек, – пояснила Брианна. – Или, скорее, мы питаемся энергией, которая преобразуется в магию.

– А еду нельзя выбрасывать, – со всей серьезностью сказала я.

Брианна опять улыбнулась.

– Так покажи мне, как бы ты отправила бабочек восвояси, не пугая их и не растрчивая магию впустую.

Пока я размышляла, несколько бабочек, упустивших шанс попить, с надеждой вернулись ко мне. Бедняжки. Я всем сердцем хотела их накормить, но должна была выполнить задание.

Тут меня осенило: я же наверняка испускаю некий волшебный аромат, приманиваю бабочек, как цветы в моем собственном саду. Поэтому я снова сосредоточилась и спрятала магию, словно цветок, что складывает лепестки на ночь. Когда я открыла глаза, бабочки уже улетали куда-то в легком замешательстве. А Брианна с одобрением кивала.

В тот день ничего более захватывающего я не делала. Если на сегодняшнем занятии с сэром Делакаром я узнавала азы работы с боевым шестом, то с Брианной я осваивала азы магии. Как ее призвать и спрятать, и совсем чуть-чуть того, как ей управлять. Ничего сложного – просто многократные повторения. Когда Брианна меня отпустила, я была точно так же выжата, как после утренней тренировки. Разум ужасно устал, а место в груди, откуда исходила сила, смутно болело.

Я самостоятельно открыла дверь в королевстве Брианны – так я себе его представляла – и снова очутилась в дворцовом саду. Судя по положению солнца, близилось время ужина, и я умирала от голода.

Ну, по крайней мере, на этот раз не нужно переодеваться или мыться.

Я направилась в парадный зал, где слуги только начинали накрывать стол. Для простого люда основным приемом пищи был обед, а ужин – слово, которым когда-то обозначали полдник, – обычно состоял из супа и хлеба с маслом, и, возможно, фруктов или овощей весной, летом и осенью или сыра зимой. Когда отец был жив, мы редко имели дело с придворными и ужинали так, как обычные люди. Мама и папа ужинали при дворе лишь раз или два в неделю, а я обедала на кухне с нашими немногочисленными слугами. Но с тех пор, как мы с мамой

стали жить во дворце, мне пришлось привыкнуть к большому и долгому застолью в конце дня.

И оно было очень долгим. Семь или восемь смен блюд в обычный вечер, от десяти до двенадцати – в особых случаях и до двадцати, если это большое королевское мероприятие. А на таком каждая подача может состоять из нескольких блюд. Я вечно объедалась, даже когда старалась не брать слишком много. Предполагалось, что после крещения Авроры мы устроим именно такой пир, но почти все гости разбежались после нападения темной феи, и нам, очевидно, придется есть все эти яства самим еще как минимум дня три. Даже несмотря на то, что большая их часть уже досталась беднякам.

Хорошо, что наш Джеррольд, придворный волшебник, обновил заклинание в кладовой как раз перед тем, как мы начали приготовления для праздника. Иначе папа наверняка собрал бы перед дворцом на пир весь город, лишь бы ничего не пропало. Таким уж он был человеком.

И действительно, когда собрались все придворные и прислуга, первым подали прозрачный бульон, которым должен был начаться праздник.

Посреди ужина я начала клевать носом, но встряхнулась и смогла досидеть до конца. Даже ухитрилась вести вежливые беседы с окружающими меня за высоким столом людьми, но из-за юного возраста мне надлежало в основном слушать, что говорят старшие, и кивать в нужных местах. Это у меня неплохо получалось, уроки придворного этикета от Белинды я усвоила, в отличие от остального. Как только тарелки были убраны, а скамейки и столы отодвинуты для вечернего представления, я извинилась и пошла в свою комнату, воспользовавшись скрытой лестницей за помостом.

Белинда двинулась было за мной, но я махнула ей, мол, не нужно.

– Я вполне могу сама раздеться, я не первый год это делала, – сказала я, стараясь смягчить тон, не прозвучать сварливо или дерзко. – Наслаждайтесь менестрелями.

Я знала, что Белинда любит музыку и танцы, и не хотела ее лишать ни того, ни другого. Я не испытываю к Белинде ненависти, на самом деле она мне даже нравится. Когда она не пытается втиснуть меня в какие-то рамки или отобрать у

меня книги якобы потому, что за чтением я «выгляжу как заучка», Белинда – приличная гувернантка. Она лучше всех знает придворные манеры и как правильно обращаться к человеку любого положения, она умеет шить не хуже портнихи, и она такая же хорошая хозяйка, как моя мама. Даже разбирается в управлении землей поместья.

Белинда нерешительно покачалась взад-вперед.

– Если вы уверены...

– Уверена, – ответила я и поморщилась. – Я просто хочу в постель.

И прежде чем гувернантка успела возразить, я зашагала вверх по лестнице.

Думаю, будь я постарше, она все равно бы увязалась следом. С подозрением, мол, что у меня тайное свидание с кем-то неподходящим мне по статусу и все дела. Вообще-то Белинда даже чересчур подозрительна на предмет встреч с теми, с кем видеться не следует. С другой стороны, это часть ее обязанностей – уберечь юную леди на ее попечении от неприятностей из-за излишне романтического склада ума. Но у меня до сих пор не было ни одного поклонника, ни надлежащего, никакого, а о моей дружбе с Джайлзом Белинда не знала, ведь никогда не спускалась на кухню. В общем, подозревать нечего, и мне было позволено спокойно подняться в комнату, спокойно раздеться и спокойно упасть прямым в постель.

Хвала небесам.

– Как ты узнала, для чего нужна та повязка на грудь? – спросила я Элли пару дней спустя.

Она усмехнулась и собрала свои кудри в хвост на макушке.

– Стрельба из лука. Гораздо удобнее, когда все немного прижато. Дома я упражнялась каждый день.

– Надо было тоже заняться, – проворчала Анна. – Матушка, может, даже позволила бы. – Она глянула на меня. – Вот ты знаешь, каково это, у тебя дракон, а не гувернантка. Мне разрешили присоединиться к Рыцарям только потому, что так приказал король.

Я оглядела всех пятерых, пока мы отдыхали после первого раунда тренировки.

– Кстати, а как вас выбрали?

Эль и Анна посмотрели друг на друга, и последняя кивнула.

– Нас предложила королева, и не знаю, как Анна, но я мигом согласилась.

– Я все время завидовала тому, что тебе разрешают заниматься всякими интересными штуками, Мири, а тут такое, – кивнула Анна. – С детства хотела стать рыцарем.

Я глянула на мальчишек.

– А я пошел прямиком к Делакару и сказал, что тоже хочу стать рыцарем, – ответил Джайлз. – Не могу же я позволить лучшей подруге ввязаться куда-то, и чтобы никто не прикрыл ей спину!

– Мы с Натом тоже лучшие друзья, – добавил Роберт. – Сэр Делакар спросил нас, начинающих оруженосцев, кто вызовется. Мы оба решили, что так будет гораздо лучше – днем учиться стрелять из лука и прочим интересным штукам у сэра Делакара вместо того, чтобы исполнять обязанности оруженосца.

О, в этом есть смысл. Пока я получала уроки магии, остальные занимались тем, к чему рыцари не приблизятся и под страхом смерти; на их взгляд, стрельба из лука – занятие для женщин и крестьян. Они все немного снобы. Лук и стрелы мог позволить себе любой, при желании можно даже изготовить их самостоятельно, а вот мечи и доспехи стоят немало. Вот такая капелька мужского самодовольства.

Но прежде чем я успела спросить что-нибудь еще, сэр Делакар скомандовал возвращаться к работе.

Я оказалась права. Уроки фехтования действительно стали «легче» в том смысле, что под конец я чувствовала себя хорошо, не выматывалась так скоро, и мышцы не болели так сильно, что хотелось все бросить. А еще у меня получалось все лучше – настолько, что сэр Делакар приказал снять с меня мерки для собственной клепаной кольчуги. Джайлза вообще измерили в самом начале, а остальные четверо получили доспехи вскоре после меня. Правда, мы пока не использовали кольчуги, только убедились, что они хорошо сидят. Вскоре мы уже упражнялись не только с шестами, но и луками, мечами, хотя когда я спросила про сшибки на копьях, сэр Делакар презрительно фыркнул.

– Сшибки – это для рыцарей, играющих в честь, – заявил он так, чтобы услышали все шестеро. – Вы не можете позволить себе игры и не можете позволить себе честную борьбу. Если за принцессой Авророй явится враг, он не въедет на породистом боевом коне бросать вызов. Он с ножом прокрадется по задней лестнице. Или устроит засаду в саду, пока принцесса будет там играть. Или... другие вероятные способы напасть прописаны в планах, которые я обсуждаю с капитаном королевской гвардии. – Сэр Делакар кашлянул. – Я рассчитываю, что вы шестеро будете охранять принцессу от более прямых угроз.

Теперь я поняла, почему папа так уважал Делакара. Он открывался с таких сторон, что я начинала думать, а не уловка ли его образ «толстого, ленивого рыцаря», дабы скрыть острый, даже изворотливый ум.

Мы покивали и вернулись к тренировке во дворе, который делили с остальными оруженосцами. Я не могла не обратить внимание, насколько их стиль борьбы отличался от нашего. Их жизнь была полна правил. Разоружение равно поражению. Никаких ударов ниже пояса. Никаких грязных приемов, например разворачивать противника так, чтобы солнце било ему в глаза, или швырнуть в них песка, или подставлять его лицо ветру, чтобы глаза пересохли.

Именно эти правила и привели моего отца к гибели. Я не должна была знать всех подробностей, но подслушала разговоры об этом, когда король перевез нас ко двору.

История такова: на войне рыцари – сплошной мощный строй, призванный повергнуть противника в шок. Тяжелая броня, обученные лошади, все это должно врубиться в первую линию вражеского войска и ее перемолоть. И если у врага тоже есть рыцари, твои должны их разбить, чтобы они не проделали то же самое с твоей пехотой. Не у каждого королевства есть рыцари, не каждое

королевство может себе их позволить. Рыцарей дорого обучать и снаряжать. Боевые кони тоже требуют особой выучки, и они тяжелее обычных лошадей. Полный комплект доспехов чрезвычайно дорого изготовить, и его необходимо подгонять под каждого рыцаря, как и оружие, которым он владеет. И этого рыцаря с его конем необходимо размещать и кормить, даже когда они не сражаются. Прибавьте сюда еще и оруженосцев с их собственным обучением, питанием и жильем.

А рыцари часто бывают дворянами, а это – ответственность перед знатными семьями, так что они представляют ценность для противника. Если рыцаря выбьют из седла и захватят в плен, придется платить выкуп.

Один рыцарь Тиренделла оказался отрезан от остальных. Он попытался сдаться, но вражеские пехотинцы окружили его и явно намеревались убить. Отец увидел, бросился на помощь, и его тоже зарубили вместе с тем рыцарем.

Делакар знал, что враг наш окажется безжалостен, и готовил нас к этому. Подножки. Броски, захваты. Удары головой и щитом, нужно было целиться в пальцы или запястья, находить все слабые места в броне противника. Хорошо, что упражнялись мы на деревянных мечях, оббитых по краям шерстью, иначе убивали бы друг друга по десять раз на дню. А еще можно было бы подумать, что с захватами, ударами головой и всем таким Делакар ставил девочек против девочек и мальчиков против мальчиков. Ничего подобного. Он показывал нам, девчонкам, приемы, которые помогали использовать вес и длину конечностей мальчиков против них самих. Что вполне справедливо, так как их он учил не сдерживаться.

Я ввязалась во все это, движимая исключительно решимостью защитить младшую сестренку. Но теперь я начинала понимать, что мне просто-напросто это нравится. Мне нравилось чувствовать силу, приобретать навыки, чтобы защитить нас обеих. Я обожала видеть гордость в глазах папы, когда он спускался во двор оценить мои успехи, и облегчение в глазах мамы, когда она понимала, чему меня учил Делакар. Ну и что с того, что некоторые придворные смотрели на меня, поджав губы или изобразив на лице неодобрение? Были и те, кто одобрял, молчаливо или открыто, и сколько девчонок моего возраста наблюдали за нами с презрением или недоумением, столько же смотрели на Анну, Эль и меня с завистью. Да, женщины иногда становились рыцарями, но при папином дворе таких не было, и некоторые люди просто не понимали, зачем девушке стремиться получить белый рыцарский пояс. Да и вообще у нас тут не

так много девушек.

Что касается нас шестерых... В легендах о рыцарях всегда говорилось о братстве по оружию, товариществе, и, честно говоря, поскольку во мне не было романтической жилки, я всегда считала это полной чушью.

Однако теперь я убедилась в обратном. Впервые в жизни у меня появились друзья, настоящие друзья! Не только Джайлз, но и Элли, Анна, Нат и Роб. По утрам во время передышек мы постоянно друг друга подбадривали. А во время тренировок мы не только приобретали навыки, но и помогали друг другу. И я знаю наверняка, что другие тоже наслаждались обучением: мы никогда не опаздывали, часто даже приходили рано, а когда расходились, то по крайней мере я чувствовала укол досады. Я очень жалела, что остальные не могут ходить со мной на занятия по магии.

И мы были не просто друзьями. К этому времени мы стали чем-то гораздо бо?льшим. Мы знали, что в любых обстоятельствах можем друг на друга рассчитывать, у каждого появилось по пять человек, которым мы могли доверить самые сокровенные тайны. Мы были теми, кем нарек нас сэр Делакар, когда мы встретились во дворе в первый день.

Мы – Свита Авроры. И мы будем охранять ее и друг друга несмотря ни на что.

Глава 4

Мерки-то с меня сняли, но изготовление брони – дело долгое. И это только самый первый комплект; далее мастерам предстоит трудиться над лучшим, более легким и прочным вариантом. Когда я наконец заполучила свою первую кольчугу (святые ангелы, какая же она была тяжелая!), Брианна уже перенесла наши занятия из своего маленького королевства. Теперь я понимала, почему мы начали у нее дома – там ведьма была сильнее всего, там же она установила множество вековых защит, и допусти я серьезную ошибку, было бы относительно просто сосредоточить ущерб в небольшой части сада. Когда я набралась опыта, мы перебрались в учебную комнату в ее замке. А сейчас я настолько научилась контролировать магию, что Брианна решила вывести меня и мою силу в «реальный мир».

И вот для занятий она создала защищенный уголок в лесу неподалеку от дворца. Внешне он казался крестьянским домиком, старым, приютившимся меж деревьев так искусно, будто стоял там многие столетия. К домику вела самая обычная тропинка, которая ответвлялась от дороги, по которой придворные отправлялись на охоту, и Брианна удостоверилась, что я запомнила путь. Однако обычно я добиралась туда через дверь в стволе дерева. Собственно, это был последний урок, что Брианна преподала мне в своем королевстве: как проходить сквозь дуб в каждое из мест, на которые она настроила эту дверь. Двери, как я узнала, доступны любой фее, но цель такого путешествия привязана к тому, кто совершает переход, и чтобы дверь его пропустила, необходимо было поделиться сведениями о месте назначения.

Дверь в стволе дуба не приводила меня к порогу домика, это было бы слишком опасно для Брианны. Враг мог тоже использовать магию и наблюдать за лесом, и затем обнаружить домик, едва она совершит переход. Она объяснила, что способна защитить собственное королевство от непрошенных гостей, особенно от темных, но не могла сделать то же самое с лесом.

Поэтому дверь выходила на тропинку посреди густого леса, и чтобы найти домик Брианны, нужно было знать, куда идти.

Снаружи никто бы не догадался, что это вовсе не жилище какого-нибудь особенно состоятельного крестьянина – два этажа, соломенная крыша, ставшая от времени серебристо-серой. Два огромных дуба подпирали стены так, словно при постройке домика были еще юными деревцами. На побеленных кирпичных стенах красовались окна с красными ставнями и занавесками в тон. В них вставили стекло, а не рог или промасленный пергамент, что указывало на определенное богатство. Между домиком и тропинкой был разбит сад с цветами и травами, обнесенный белым забором. Все совершенно нормально. Ветхий на вид домик явно соблазнит кого-нибудь залезть, посмотреть, не осталось ли внутри чем поживиться.

Домик состоял из единственной комнаты с защищенными стенами, чтобы ничего магического не просочилось наружу, – и довольно часто эта комната оказывалась гораздо больше самого домика. Когда я впервые заметила, что ее размеры изменились, я здорово испугалась. Наверное, однажды я узнаю, как Брианне удалось повернуть такое чудо.

Но, даже если бы я изучила такой трюк в теории, я очень сомневалась, что когда-либо сумею его повторить на практике. Феи ведь не просто мастера магии, они способны изучать нюансы этого ремесла целыми столетиями. Я, как в лучшем случае наполовину фея, а скорее всего лишь на четверть, могу прожить дольше обычного человека, но явно недостаточно, чтобы по умениям сравниться с такой, как Брианна.

Короче говоря, теперь я нуждалась в тренировочной площадке в реальном мире, где магия фей бывала чуть более непредсказуемой, где может вступить в игру и человеческая магия. Первым делом Брианна намеревалась научить меня обороняться – несколько изящней, чем тем грубым щитом, который я применила против темной феи.

Вот почему сейчас я стояла посреди странной пустой комнаты, чувствуя себя ужасно уязвимой. Даже жалела, что у меня нет кольчуги, несмотря на всю ее тяжесть. Под изучающим взглядом Брианны в тишине комнаты собственное дыхание казалось мне до смешного громким.

– Призови силу, – скомандовала фея, когда, видимо, сочла меня готовой. – Сосредоточься на предплечье руки, которой держишь щит.

Я уже догадалась, к чему она клонит, и направила силу в ладонь, создавая круглый щит, а потом посмотрела на Брианну поверх его края. Он ничего не весил, но выглядел так, словно выкован из чистого золота. Брианна одобрительно улыбнулась.

– Сделай его более куполообразным, – предложила она, и я слегка изменила форму щита. – Теперь я буду метать в тебя молнии, а ты их отражай. Пока что я сосредоточу их на щите.

Наверное, это для того, чтобы дать мне привыкнуть к атакам. Во время стычки с темной феей я была в такой панике, что действовала исключительно по наитию, из чистого страха, и запомнила лишь то, как сила давила на меня, пытаюсь оттолкнуть. Теперь я поняла подход Брианны. Фея намеревалась учить меня точно так, как муштровал нас сэр Делакар, – не зевать, анализировать и планировать контратаку.

Брианна выбросила вперед руку, и ко мне рванул шар белого огня. Я выстояла; он ударился о щит и разлетелся, словно был жидким.

Столкновение четко отдалось в руку, и щит на мгновение стал горячим, но затем снова остыл. Брианна кивнула мне, я ответила тем же, и она повторила удар.

Каждый раз, как она швыряла в меня молнией, я понимала чуть больше. Не умом, нет. Я скорее ощущала, чем размышляла, и мне требовалось время, чтобы разобраться с ними. Эта сила ведет себя как огонь, осознала я, а еще как вода. Вот только имеет вес, ударяет как камень. Будто расплавленный металл. Брианна продолжала осыпать меня шарами-молниями, я стойко держалась.

Мой щит нагрелся, даже стало неприятно его держать, но я не осмеливалась его рассеять, пока в меня летели огненные шары. Но с жаром нужно было что-то делать. Еще пара ударов, и я получу ожоги! Может, сделать его отражающим? Как зеркало?

Как только я об этом подумала, щит повиновался. Следующий шар, попавший в цель, разлетелся с куда большей силой, и щит немного остыл. Брианна слегка улыбнулась и опустила руку.

Я громко вздохнула, и щит исчез в моей ладони. По спине стекал пот, волосы слиплись, мышцы болели, как после тренировок сэра Делакара.

– А теперь расскажи, что ты усвоила, – приказала Брианна, когда я уселась прямо на пол.

– Не похоже на силу той темной, – ответила я. – Шары тяжелые, горячие... как расплавленный металл.

– Хорошая аналогия, – кивнула Брианна. – И удары молний пробили бы тот щит, который ты по наитию выставила против темной. Советую больше не прибегать к этой грубой тактике, по крайней мере не в таком виде. Ты продемонстрировала ее перед практически всеми темными королевства, и даже те немногие, кто не явился на крестины, уже все знают.

Я вздохнула. Ну разумеется.

– Продолжай, – сказала Брианна.

– Щит начал нагреваться, поэтому я сделала его более отражающим. Но почему я так устала?

– Потому что ты больше не в моем мире, где легче использовать магию фей. В мире людей удерживать ее труднее. Единственная причина, по которой ты вообще на это способна, – кровь фей в твоих жилах. А человеческая кровь действует против тебя. Поэтому ты осталась совсем без сил, когда защитила сестру.

– Пожалуйста, скажите мне, что с опытом станет легче, – взмолилась я.

Брианна рассмеялась.

– Станет. Прямо как на фехтовании. Ты научишься лучше управлять магией фей, сумеешь направлять ее точнее. – Она жестом велела мне встать. – А теперь вернемся к делу. На этот раз сделай так, чтобы жар молний не достигал твоей руки.

Мы проработали весь день, пока я не начала валиться с ног, вся насквозь мокрая от пота, и наконец Брианна меня отпустила. Но перед этим, однако, сделала кое-что, чего не мог сэр Делакар.

– Замри на мгновение, – скомандовала фея, и я повиновалась.

Несколько коротких жестов с ее стороны – и я чуть не подскочила до самого потолка. Весь пот высох, а волосы расплелись, зависли вокруг меня облаком и заплелись снова, волосок к волоску! А еще вместо вони меня окутал аромат лаванды. Я оглядела себя сверху вниз. Чистенькая и опрятная, будто весь день в верхних покоях читала.

– Вот, – кивнула Брианна. – Теперь ты не должна навлечь гнев своей грозной опекуни.

Я не могла не рассмеяться.

– Она и правда немного смахивает на дракона, – согласилась я. – Мне идти пешком?

– В столь поздний час? Нет, конечно. Ты опоздаешь к ужину, твои дорогие отец и мать наверняка решат, что с тобой случилось ужасное. Вернись туда, где ты вошла в лес, и «поищи» нашу дверь в дереве. Ты снова окажешься в дворцовом саду. – Брианна помахала на меня руками, прогоняя, да и я не стала медлить.

И точно, очутившись на нужном месте, я разглядела слабое свечение на одном дереве у тропинки. Я открыла волшебную дверь, та вела через дуб в наш сад. И я в нее шагнула.

Поскольку переодеваться мне было уже не нужно, я направилась напрямик в детскую. Мелали уложила Аврору на животик на овчину, разложенную на полу. Малышка радостно дрыгала маленькими ножками-ручками, ей явно нравилась новая поза. Я плюхнулась рядом, и в кои-то веки Мелали не стала издавать недовольных звуков. Аврора посмотрела на меня, протянула ручки и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/leki_mersedes/serdce-shipov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)